

ЛЮБИМЫЙ ДЕТЕКТИВ

НАЧАЛЬНИК РАЙОТДЕЛА

Галия Мавлютова

Любимый детектив

Галия Мавлютова

Начальник райотдела

«ВЕЧЕ»

2013

Мавлютова Г. С.

Начальник райотдела / Г. С. Мавлютова — «ВЕЧЕ»,
2013 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7527-6

В романе «Начальник райотдела» известная петербургская писательница Галия Сергеевна Мавлютова, автор многочисленных детективов и в прошлом подполковник милиции, рассказывает о работе правоохранительных органов на так называемой земле. ТERRиториальный отдел полиции – это пограничный пункт между добром и злом. Сюда приходят потерпевшие, сюда доставляют преступников. Обстановка напоминает фронтовую: звучат команды, отдаются приказы, заливаются звонкими трелями дежурные телефоны. Для многих коллег Гюзель Юмашевой наступает момент, когда такая боевая кипучая жизнь становится рутиной, но только не для нее. Ведь она не просто бывший оперативник, начальник отдела, полковник, в подчинении которого десятки сотрудников-мужчин, а еще и красивая женщина с горячим и страстным сердцем...

ISBN 978-5-4484-7527-6

© Мавлютова Г. С., 2013
© ВЕЧЕ, 2013

Галия Мавлютова

Начальник райотдела

© Мавлютова Г.С., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Сухощавый невзрачный человек неопределенного возраста вошел в подъезд старинного дома, расположенного в центре Санкт-Петербурга, огляделся по сторонам и прислушался, но в подъезде было тихо, лишь наверху тяжело громыхала дверь старого лифта. «Кто-то забыл закрыть», – подумал мужчина и потряс головой, словно хотел вытрясти из ушей вязкую тишину. На мгновение ему почудилось, будто на лестнице послышались торопливые шаги, и он уже схватился за дверную ручку, но липкая тишина снова заглушила все звуки. «Послышалось», – подумал невзрачный человек и довольно ухмыльнулся, слегка растянув полоску губ. Его устраивал такой порядок вещей ранним погожим утром. Он брезгливо принюхался, нервно подрагивая крыльями носа, по всему подъезду разносился устойчивый запах крысиного дерма, кошачьей еды и еще чего-то кислого, пронзительно-неприятного. Мужчина досадливо сплюнул и зашел в темный закуток. Подъезд тускло освещался лампочкой, выкрашенной красной масляной краской крест-накрест. «Наверное, чтобы не украли лампочку», – подумал сухощавый человек и бросил в светящийся крест кусок облупившегося цемента. Лампочка взвизнула и погасла, сверкнув на прощание яркой спиралью. В подъезде снова стихло. Город давно проснулся, снаружи доносились человеческие голоса; лай собак, гудки автомобилей, визг тормозов, но звуки были настолько приглушенными, казалось, подъезд полностью погрузился в мрачное подземелье, оставив незатейливый городской шум в каком-то виртуальном мире. Мужчина, притаившийся в укромном уголке, задремал. Он прикрыл глаза, и сразу исчезли дурные запахи, вонь, неухоженный подъезд, но его мозг работал, как радар, он улавливал все отголоски улицы, легкие поскрипывания оконных рам, сквозной ветерок, и при любом шорохе у дремавшего мужчины приоткрывался один глаз и смотрел на противоположную дверь, но она оставалась неподвижной, и мужчина снова принимался дремать. Он сидел не шевелясь, словно робот, готовый вскочить по команде другого, самого главного робота, невидимого, неосозаемого, находившегося внутри него. Среди дремоты и приглушенных шумов мужчина услышал тихий шорох, он открыл глаза и уставился на дверь, новая металлическая дверь под «красное дерево» легко отошла от притолоки, и на площадку вышел бодрый мужчина средних лет, громко напевая какой-то модный шлягер. Он захлопнул дверь и в этот же миг сухощавый человек из своего укромного уголка выстрелил ему прямо в голову. Затем он осторожно выбрался из западни и подошел к упавшему замертво мужчине, выстрелил еще раз, постоял немного, словно размышляя, что делать дальше, и бросил пистолет прямо на грудь убитому. Затем снял перчатки с рук и сунул их в карман. В тамбуре между дверями сухощавый невзрачный человек надвинул на глаза черную вязаную шапочку и обмотал тонкую шею черным шарфом, не оглядываясь, вышел из подъезда и направился к синей «Ниве», стоявшей невдалеке, прямо за домом. Напротив парадной, где пахло крысиным дермом и кошками, стоял новенький «крайслер», сверкая ослепительно-черными боками. За рулем одиноко сидел молоденький водитель с тонкими усиками в ожидании, когда хозяин подойдет к машине. Водитель, прикрыв глаза, слушал музыку.

«На такой крутой машине катается, а на охрану поскупился», – подумал невзрачный человек, поворачивая ключ зажигания. Он включил приемник и прислушался, каким-то неестественным голосом модная запоюшная певица заливалась всем слушающим про «любовь-морковь», в конце песни она нагло и громогласно заявляла: «А сейчас я тебя съем!» «Песня всем оскомину в зубах набила, а я никак не могу слова запомнить», – съязвил самому себе невзрачный человек и переключил скорость, вскоре старинный дом остался далеко позади.

* * *

За длинным, сверкающим темной полированной поверхностью столом, сидела женщина со смуглым лицом и слегка раскосыми глазами, в черном пиджаке и белой блузке. Она что-то быстро писала, сосредоточенно сжав губы и брови. На первый взгляд женщина выглядела так, будто уже заканчивала третий десяток лет, но, если приглядеться внимательно, можно было догадаться, что она переутомилась и до сокровенных сорока ей еще далеко. На стене висел портрет президента страны. Он строго смотрел на всех входящих, словно предупреждал: в этом кабинете нужно экономить время – говорить короткими фразами и только по делу. Женщина взглянула в окно и вздохнула. Январская полутень обязывала с утра до ночи сидеть в кабинете с включенным светом. На потолке ярко светилась люстра с десятью хрустальными плафонами. На столе укрепилась уютная настольная лампа.

«На улице мороз, а у меня в кабинете тепло и светло, уютно. Абсолютно не хочется идти на совещание», – подумала женщина и усмехнулась. Она вытянула губы трубочкой: «Ох, уж эти совещания. До чего они выматывают организм и душу. Иногда хочется тихо завыть от бесконечных выволочек, выговоров и разносов. Пропади все пропадом!»

Последнюю фразу женщина произнесла вслух и вздрогнула. Голос прозвучал неожиданно громко, и тут же в дверь тихонько поскреблись.

– Войдите, – сказала женщина и собрала бумаги в аккуратную стопку, вложила их в папку. Папку с бумагами сунула в портфель и, оглядев стол, осталась довольна. Стол сиял чистой и ровной поверхностью.

Дверь медленно открылась. В кабинет тихонько шагнула чья-то нога в поношенном сапоге буро-неопределенного цвета, затем появились плечи в плащевом пальто такого же бурого цвета и, наконец, появилась мохеровая шапочка. Из-под шапочки выглядывало довольно миловидное лицо пожилой женщины.

– Можно, Гюзель Аркадьевна? – робко спросила посетительница.

– Можно-можно, – обреченно махнула рукой женщина за столом. Она мельком взглянула на часы и поморщилась, – что у вас?

– Да у меня к вам личный вопрос, – посетительница окончательно оробела. Она топталась у двери, раздумывая, стоит ли ей проходить дальше.

– Какой еще личный вопрос? У меня прием по понедельникам с четырех до восьми. Можете оставить заявление, – Гюзель Аркадьевна провела рукой по ровной поверхности стола, пытаясь скрыть раздражение.

– Не знаю, что писать-то в заявлении, прямо измучилась вся! – посетительница запла-кала, слезы растеклись по ее морщинистому лицу. Она неловко прислонилась к притолоке, чтобы не упасть.

– О-о, господи, только не это! – всполошилась Гюзель Аркадьевна. Она стремительно поднялась из-за стола и бросилась к плачущей просительнице. – Терпеть не могу, когда женщины плачут, прекратите, пожалуйста, – добавила она, смягчая тон.

Гюзель Аркадьевна положила руку на плечо женщины и, обняв ее, повела к столу, заботливо усадила женщину на стул, а сама села рядом, продолжая тайком взглядывать на часы.

— Что случилось? Говорите уже, у меня скоро совещание. Некогда вытираять вам слезы, — она ласково, но настойчиво отвела руки от лица посетительницы и посмотрела в заплаканные глаза, — глаза у вас добрые, бесхитростные. Такие глаза не могут обманывать. Говорите же, я вас слушаю.

— Спасибо, доченька, сейчас я, сейчас, — женщина достала носовой платок и высыпалась, — извините, пожалуйста, у меня насморк.

«Да уж, настоящий петербуржец без насморка, как пистолет без патронов, или нет, пожалуй, как горчица без едкости. Господи, какая чушь мне в голову лезет! — подумала Гюзель Аркадьевна и мысленно ужаснулась: — Надо бы спросить посетительницу, кто она такая и что ей нужно, а не заниматься сочинением дурацких афоризмов».

— Как вас зовут? — спросила она, взяв руки женщины в свои и наклоняясь к ней поближе.

— Анна Семеновна я, Анна Семеновна Карпова, — всхлипнула женщина и с благодарностью посмотрела на свою визави.

— Что у вас случилось, Анна Семеновна, что это вы день с дождя начинаете? На улице мороз.

— Горе у меня, Гюзель Аркадьевна. Я слышала, что вы людей не отталкиваете, всех жалеете, никого не отфутболиваете, вот и пришла к вам за помощью. — Анна Семеновна уже успокоилась и держалась с достоинством. Она выпрямила спину, сняла мохеровую шапочку, поправила рукой волосы, и от всех этих нехитрых манипуляций заметно помолодела.

«Ох уж эти мохеровые шапочки, как они уродуют наших женщин. Без этого серо-бурого болоневого пальто и мохеровой шапочки Анна Семеновна просто красавица, — сердито подумала Гюзель Аркадьевна, — и, вообще если бы не это совещание, я могла бы тут спокойно сидеть и успокаивать всех граждан и гражданок. Вытирала бы им слезы и сопли, работая по совместительству местным психоаналитиком».

— Какое горе, говорите же, Анна Семеновна, а то мне сейчас придется уйти на совещание и вас «отфутболить» все-таки. Мне не хотелось бы выглядеть в ваших глазах сухой и черствой. Чем смогу, тем помогу.

Гюзель Аркадьевна встала и прошлась по кабинету. Она всегда так делала, чтобы переключить сознание. «Кажется, это называется — особое состояние сознания», — усмехнулась она, невольно сбиваясь с шага.

— У меня сын умер, Гюзель Аркадьевна, месяц назад. — Анна Семеновна подозрительно всхлипнула. Гюзель Аркадьевна возникла у нее за спиной, нависая коршуном, чтобы, не дай бог, Карпова снова не расплакалась.

— Его убили?

— Нет, умер вроде сам, за компьютером. Так мне сноха сказала. — Анна Семеновна обернулась и с надеждой посмотрела на портрет президента, дескать, помоги, не дай ляпнуть лишнего.

— Сноха — это невестка? Жена сына?

— Да, невестка-невестка, жена сына, они отдельно жили, — Анна Семеновна с трудом отвела взгляд от проницательных глаз на стене и снова сгорбилась.

— А полиция при чем? Сына не убили, умер за компьютером, как вы говорите... Его уже похоронили? — Гюзель Аркадьевна пересекла пустое пространство кабинета и села за стол. Она постучала пальцами по полированной поверхности и сжала губы.

«Никуда не денешься от людской молвы. Если знают, что их где-то принимают, да не отшивают, и идут со своими печалями, как будто полиция — это собес или благотворительная организация. Бедные люди! Им некуда податься со своим горем, а ты сидишь в тепле и уюте, еще и злишься», — она резко оборвала свои мысли и нажала кнопку селектора. «И потом, что делать с этой Карповой?»

Юмашева давила на кнопку, словно хотела раздавить ее, как ненавистного паука. «Ей во сне приснилось, что ее сынок жив и здоров, теперь вот проверить надо бы, а кому проверять-то? Людей нет, все либо на больничном, либо учатся, работать некому».

– Коваленко, зайдите, пожалуйста. – «Пожалуйста» она произнесла после паузы, раздумывая, стоит ли вообще произносить волшебное слово.

– Так что там говорит ваша невестка? – спросила она Карпову, отпустив кнопку селектора.

– Ничего она не говорит, – неожиданно разозлилась Анна Семеновна, – ничего. Даже лицо не показала, гроб не открыла. Мой сын живой!

– Почему вы так решили? Это же нереально. – Гюзель Аркадьевна вышла из-за стола и принялась мерить шагами кабинет.

– Материнское сердце – оно чувствует, я знаю, что он живой, мой Женя живой. Я с ним разговариваю, и днем, и ночью.

«После войны много вдов и матерей выплакивали глаза в ожидании своих мужчин. Они верили, что их мужья и сыновья живы, и ведь многих интуиция не подвела. Даже через сорок-пятьдесят лет выясняется, что их близкие остались жить, кто-то нашел себе новую жену, кто-то остался за кордоном... Может, не зря Анна Семеновна разговаривает со своим Женей дни и ночи напролет? Людям верить надо...»

– Вы не любите свою невестку? – Гюзель Аркадьевна резко остановилась возле стула Анны Семеновны.

– Не люблю, – честно призналась Карпова, – да и за что ее любить-то? Она, как нелюдь, все швырком да броском, разговаривать толком не умеет. И Женьку не любила, и внука не любит. Все ей деньги давай, деньги, деньги. Как помешалась на этих проклятых деньгах.

– А чем занимался ваш сын? Ну, бизнесмен там, предприниматель или представитель пролетариата? – Гюзель Аркадьевна приподнялась на носки, раскачиваясь в такт словам. Она мучительно размышляла, чем все-таки закончится совещание, и ее сердце выступило бешеный танец. «Свистопляска какая-то. Сейчас мое сердце разорвется от мучительного отчаяния...» – думала она, стараясь понять, что говорит Карпова.

– Нет, не бизнесмен, не новый русский. Но жили они хорошо, богато. И квартира не квартира, машина не машина, мебель не мебель. Все Наташка хапала, жили, как новые русские.

– Так откуда все это; квартиры, машины, мебель? Если не бизнесмен, значит, ваш сын – бандит? – Гюзель Аркадьевна оглянулась на дверь: «Что это Коваленко долго не идет, застрял он там, что ли?».

– Н-не знаю, – жалобно протянула Анна Семеновна, – он все за компьютером сидел, днями и ночами. Работал с какой-то программой, всегда бледный был, зеленый. Из дома выходил только по вечерам.

– А-а, программист, компьютерщик, тогда понятно, – сказала Гюзель Аркадьевна, – Анна Семеновна, у программистов работа вредная и опасная. Он мог умереть от закупорки сосудов, реально мог, если он сутками напролет сидел за компьютером. Это очень вредно!

– Нет-нет, – испуганно всплеснула руками Анна Семеновна, – он не умер, живой он. Я знаю!

– Ну, хорошо, будь по-вашему. Сейчас придет сотрудник, он займется вашим делом. Вы напишите заявление, подробно все опишите, как и что, почему у вас возникли такие подозрения. Если сотрудник вас «отфутболит», приходите ко мне. Договорились?

Гюзель Аркадьевна схватила трубку телефонного аппарата, резким звонком известившего о своем существовании.

– Юмашева! Да, выезжаю! Все, Анна Семеновна, идем со мной, – но договорить она не успела. Дверь резко распахнулась. В кабинет стремительно влетел мужчина тридцати с небольшим лет: высокий, в черном свитере, с гладко выбритой головой. – Вот вам, Анна Семеновна,

сотрудник отдела – Виктор Дмитриевич Коваленко. Прошу любить и жаловать. Сейчас вы напишите заявление, в котором подробно расскажете о своих сомнениях. Виктор, выслушай женщину внимательно, ничего не упусти, прими заявление. И не забывай о вежливом и корректном отношении к гражданам. Я уехала!

Юмашева схватила куртку с вешалки, взяла папку с документами, еще раз оглядела кабинет, не забыла ли что, потрогала плечо Карповой, дескать, все будет нормально, и вышла, кивнув на прощание Карповой, Коваленко и портрету на стене.

* * *

У входа в управление толпились сотрудники, одетые по-зимнему соответственно морозной погоде. Все были в форменной одежде; в шинелях, кителях, бушлатах. Юмашева в тонкой черной куртке и короткой юбке прошмыгнула сквозь плотную толпу, старательно делая вид, что не слышит приветствий и дружеских окликнов, со всех сторон посылаемых ей в спину. Мысленно она проклинала все вторники на свете только по одной причине: по вторникам в управлении установился особый совещательный день. Но этот день выдающийся: сегодня на совещании полковника Юмашеву будут размазывать по стенам и потолку управления за служебное несоответствие на глазах официальной публики в шинелях и бушлатах. Юмашева тихонько прошмыгнула в зал заседаний и скромно уселась в самом дальнем углу, страстно желая одного, не привлекать к собственной персоне постороннего внимания. Гюзель Аркадьевна уже не вспоминала о слезливой Карповой, о Коваленко, забыла даже о природных катаклизмах и вечной угрозе терроризма. Сейчас она судорожно занималась внутренним аутотренингом, лишь бы не сорваться, не стушеваться, не зареветь, когда по микрофону прозвучит ее фамилия. Это тот самый злосчастный момент, когда в переполненном зале громогласно звучит чья-то фамилия, и сотрудник, взволнованный и красный от смущения неловко встает, роняя папку или авторучку, еще толком не зная, что он сейчас услышит – хулу или похвалу. Правда, бывают времена, когда в этом зале звучат только хвалебные слова. Но чаще бывает, когда разносы, выволочки и выговоры следуют один за другим, за длинной чередой которых видны инфаркты и инсульты сотрудников, больничные листы и срочная госпитализации. «Шиш вам, не дождется! – прошептала Юмашева и оглянулась, не слышал ли кто, нет, кажется, никто не слышал. – Я, как булатный клинок, закаленная и прокаленная. Пропади все пропадом, пусть ругают. В жизни нужно получать не только награды, надо и шишек себе набить, иначе жизнь не в жизнь будет». Пульс стал ровнее. Она с удовлетворением констатировала, что аутотренинг прошел успешно, и гордым взором окинула зал совещаний. Куда подевался ее испуганный взгляд и поникшая голова, когда она пробиралась сквозь плотную толпу сотрудников.

– Гуля, как дела? – приветливо спросил ее кто-то рядом. Юмашева, опустив очки почти на самый кончик носа, блеснула глазами на того, кто так живо интересовался ее делами.

– Как в Польше, а что? – в ее глазах сверкали и переливались смешишки.

– А как в Польше? – спросил, тоже посмеиваясь, мужчина средних лет, усаживаясь рядом с ней.

– У кого деньги, тот и пан! Ты что, будешь меня утешать? Слезы вытираять? – она слегка отодвинулась в сторону от мужчины. Юмашева терпеть на могла чужие запахи.

– Я подгузники тебе подготовил, вдруг понадобятся, – от его пошлой шутки Юмашеву перекосило. Она высоко вздернула нос и громко произнесла, не скрывая злорадства.

– На личном опыте убедился, что без подгузников не обойтись? Тебя в прошлый раз так метелили в этом зале, что пургу несло по всему Суворовскому проспекту. Я обойдусь подручными средствами, – неожиданно для себя она почувствовала, что не сердится на соседа.

Наоборот, ей немного приятно, что он неудачно пошутил. «Наверное, специально вызвал мою ярость, необходимо, чтобы я переключилась, вошла в особое состояние сознания», –

подумала она и удобно расположилась в кресле, стараясь сохранять диафрагму в нормальном режиме. «Правильное дыхание – первейшая необходимость для сотрудника органов внутренних дел», – она посмотрела на трибуну, всю увшанную и заставленную микрофонами, графиками, стаканами. «Попить бы водички, а то в горле пересохло от волнения. Почему эта Карпова пришла ко мне? Наверное, ходила к экстрасенсу, вот он и нагородил ей огород, дескать, живой твой Женя, и она после визита к знахарю прымком в милицию. А я не задумываясь, пишите, дескать, заявление. Мы поищем вашего сыночка, всегда пожалуйста, только вот где искать его? Коваленко, наверное, материт меня». Усилием воли Юмашева сердито отогнала от себя лишние, как ей казалось, мысли, и подготовила себя к худшему исходу. На небольшое возвышение, олицетворяющее житейский Олимп, гуськом поднимались тучные мужчины, ослепительно сверкая золотыми оправами и погонами. Тяжелой поступью они шли по подиуму, и также тяжело усаживались на высокие стулья. «Наверное, они так трудно шли, точнее, не шли, а взбирались на этот Олимп, и поэтому им тяжело даются эти шаги на помосте», – развеселилась Гюзель Аркадьевна, глядя, как вытирают потные лбы грузные мужчины. «Сейчас кто-то из них публично отругает меня за плохую работу, и для него это тоже будет работа. Потом он отчитается, что привлек к дисциплинарной ответственности нерадивого сотрудника, и этим сотрудником сегодня случайно окажусь я. А мне не страшно. Нет, вообще-то страшно, но я почему-то не боюсь».

– Юмашева! – она поняла, что звучит ее фамилия, не услышала, а поняла, потому что переполненный зал четырьмястами пар глаз уставился на нее. Причем все четыреста человек обернулись, чтобы пристально разглядеть, кто же это такая Юмашева, и в чем она провинилась, интересно бы всем узнать.

Она резво вскочила и вытянулась в струнку: «Юмашева!»

Ее голос прозвучал звонко, как в пионерском лагере на слете отличников учебы и спорта. Гюзель Аркадьевна смутилась и чуть пригнулась: «Совсем по-детски вышло как-то, не по-взрослому, несолидно. Что это со мной? Да будь что будет», – мысленно отмахнулась она от критических мыслей в свой адрес.

Грузный мужчина вышел к трибуне и достал толстую пачку бумаги: «Неужели этот пакет предназначен для меня одной?». Юмашева склонила голову, чтобы не рассмеяться: «Один подгузники предлагает, второй пачку бумаги припас, так российской тайги на наш век не хватит, на одну Юмашеву весь лес переведут», – весело подумала она.

По микрофону зазвучали первые фразы. Гюзель Аркадьевна невольно сникла. Внутренне она соглашалась с критическими замечаниями, если можно было так назвать те слова, которые гремели в зале, усиленные специальной аппаратурой, раздаваясь гулким эхом в ушах и растекаясь липким потом по спине.

В зале гремела музыка слов, мистически складываясь в тяжелый металлический рок: «Юмашева допустила обострение оперативной обстановки на территории вверенного ей отдела, на территории отдела за последние три месяца увеличилось количество тяжких и особо тяжких преступлений, значительно выросло количество преступлений против личности, увеличилось количество преступлений против жизни и здоровья, количество преступлений против собственности, количество преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности...» Оглушительный рок превратился в неразбериху слов, бум-бум-бум...

«Стоп, спокойно, а откуда у меня на территории преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности? Что-то я не припомню за последнее время никаких изнасилований, – невольно вслушалась в последнюю фразу металлического рока Юмашева, – ах, да-да, в Новый год неизвестные изнасиловали девицу легкого поведения. Да на ней клейма ставить негде, а изнасиловали ее собственные дружки», – мысленно возмутилась Гюзель Аркадьевна. Она тут же одернула себя: «Уголовное дело возбудили, девице легкого поведения всего пятнадцать лет, и дело зависло вечным глухарем, так что, воспринимай критику спокойно. А

почему, кстати, оно зависло? Там ведь все фигуранты известны, они в одной школе учились... Недосмотрела, недоглядела, теперь вот слушай. – Юмашева пригорюнилась. – Вернусь с совещания, всех оперов по углам размету, чтобы им служба медом не казалась. Все глухари возьму на контроль, сама буду раскрывать. Выслушиваю авангардную музыку в первый и последний раз. Больше я не допущу такого позора!»

«Мы не допустим такого безобразного и безответственного отношения со стороны начальника отдела...» – вслушалась она в очередную ноту мистического рока и внутренне согласилась: «Правильно, такое безобразие допускать категорически нельзя, это запрещено действующим законодательством».

– Юмашева, вы слышите? – ровно восемьсот глаз в общем количестве недоуменно уставились на Гюзель Аркадьевну.

– А? Что? Слыши-слышу, – она утвердительно кивнула высокопоставленной трибуне и любопытному залу, подтверждая свою верность присяге, принесенной ею почти двадцать лет назад.

– Ничего вы не слышите! – грубо рявкнул грузный мужчина в микрофон. Вдруг раздался скрежет, так скрежещет железо при перетаскивании его с места на место, и металлический рок прекратил свое звучание. В зале наступила тишина. Мужчина что-то гневно выговаривал, но его никто не слышал. Восемьсот глаз весело подмигивали Юмашевой, дескать, выговора не успели огласить, на твою удачу даже микрофон сломался. Возле трибуны засуетились штабисты, подтаскивая провода, какие-то ящики, чемоданчики, но грузный мужчина уже покинул пьедестал. Он вышел из зала, гневно шевеля густыми бровями и полными губами.

– В Москву поедешь, – выдохнул сосед. Он придинулся и заговорщически приник к Юмашевскому уху.

– Зачем я туда поеду? – Гюзель с недовольным видом отодвинулась от соседа. «Вечно он со своими приколами».

– На переаттестацию, генерал сказал. Ты что, не слышала?

– Нет, не слышала, – беспечно отмахнулась от соседа Юмашева, – а когда ехать-то?

– Завтра, завтра и ехать. Поедешь? – в глазах доброхота зажглись странные огоньки. «Да он радуется, – подавила тяжелый вздох Гюзель Аркадьевна, – конечно, – сердито думала она, – переаттестация – дело поганое, но сегодня я, а завтра ты поедешь...»

– Поеду. Приказ есть приказ! – вслух сказала она и открыла блокнот. Больше не хотелось обсуждать поездку со словоохотливым соседом, слишком уж назойлив, слишком сердечен. А на поверку выяснится, что радуется ее неприятностям. Так устроен мир.

Она еще долго сидела в опустевшем зале с закрытыми глазами. Ей хотелось куда-нибудь исчезнуть, уменьшиться в размерах, дематериализоваться, в конце концов. Только бы не видеть сочувствие в глазах сотрудников, один за другим покидающих зал совещания. Кое-кто не скрывал, дескать, слава богу, сегодня размазали не меня, кто-то искренне сочувствовал. Большинство просто не обратило внимания на происходящее, а что, рабочий момент, поругают сотрудника, он затрепыхается и развернет бурную деятельность по раскрытию глухарей. Гюзель Аркадьевна не хотела выходить из зала, чтобы не попасться на глаза генералу. Если увидит ее в короткой юбке – следующий публичный разнос обеспечит на полную катушку. И еще она не любила оформлять командировочные предписания. Надо обойти массу кабинетов, чтобы подписать нужные документы, поставить печати, заштамповать, зарегистрировать, проштемпелевать. Самое приятное в этом деле – получение командировочных денег. Всегда приятно пошуршать тугими бумажками, вложить их в бумажник, сразу себя человеком чувствуешь. При мысли о шелестящих дензнаках Юмашева бодро встала и одернула юбку, стараясь удлинить ее до бесконечности.

Холодный воздух успокоил разбушевавшиеся нервы, остудил пылающее лицо. Гюзель Аркадьевна села за руль помолодевшей и посвежевшей. Все равно справлюсь, всегдаправлялась с неприятностями, и сейчас не пропаду!

Уже поздно вечером она пришла на Московский вокзал и купила билет.

– Поезд идет ночью. В два часа, – предупредила кассирша, пряча утомленное лицо за окошечком.

– Поеду ночным, мне туда и обратно, в этот же день. – Гюзель Аркадьевна просунулась в окошечко, чтобы разглядеть кассиршу, но та спешно укрылась за перегородкой.

– Как на электричку, – глухо донеслось из-за перегородки. Юмашева отпрянула от окошечка. Неприятный голос. На «Сапсан» финансисты денег не дают, только на плацкартку.

– Мне в плацкартный вагон. Вот мое удостоверение. – Гюзель положила на вертящуюся тарелочку удостоверение.

– Места есть только в общем вагоне. Будете брать? – кассирша неожиданно вылезла наружу. Юмашева испуганно вздрогнула: «Все, как в фильме ужасов, кассирша какая-то страшная, косматая. Совсем, как привидение на болоте, привидится же такое», – подумала она, поправляя очки на переносице.

– Буду-буду. То поезд ночью идет, то места в общем вагоне, все у вас не слава богу, – проворчала она, забирая из тарелочки билеты и удостоверение.

Юмашева не слышала, что сказала ей вслед кассирша. Стремительными шагами она уходила, почти убегала от страшного привидения, так испугавшего ее на исходе неудачного дня.

* * *

Гюзель Аркадьевна Юмашева – полковник полиции, начальник отдела внутренних дел одного из центральных районов города Санкт-Петербурга проживала в однокомнатной квартире, увешанной с пола до потолка дипломами и наградами. В квартире было уютно и тихо, никто не тревожил покой Гюзели Аркадьевны. Она не имела права даже кошку завести, не то чтобы собаку или мужа. В прихожей стоял большой платяной шкаф с зеркалами, подставка для обуви, аккуратный коврик у двери сиял девственной белизной. «У тебя стерильно, как в больнице», – приговаривали друзья Гюзели и любыми путями избегали посещений. «Наверное, боятся наследить, – думала она, в очередной раз вычищая квартиру от несуществующей пыли. – Такая чистота бывает только у одиноких вдов, которым занять себя нечем...» В минуты разочарований и обид квартира встречала Юмашеву, как старый и добрый друг. Здесь можно было отдохнуть, прилечь, перекусить, то есть набраться сил перед предстоящим сражением.

Гюзель лежала на диване и смотрела на маятник, катастрофически отстукивающем секунды и минуты. «Еще пять минут полежу и встану, иначе на поезд опоздаю, – думала она, неотрывно глядя на часы. – Сейчас сяду в такси и сразу появится утраченная бодрость; впереди меня ждут новые приключения, свежие впечатления. Что это со мной? Я же всегда любила дорогу. Объездила много стран и городов, поселков и сел, даже в какой-то деревне побывала, где-то в Новгородской области, ездила в тьму-таракань за рецидивистом. Его заочно арестовали за тройное убийство, а он в это время отлеживался в глухой деревеньке. Вспомнить страшно, где он прозябал. А я его оттуда вытаскивала своими тоненькими ручками. Вдвоем с водителем-милиционером. Если посчитать километры дорог, можно сбиться со счета. Получается, что обхехала весь земной шар вдоль и поперек, и не один раз, а несколько».

Неожиданно вскочила с дивана и быстро собралась. Побросала в сумку необходимые вещи, по сложившейся привычке окинула взглядом квартиру, не забыла ль чего, поглядела на себя во все зеркала в прихожей, скрчила унылую рожицу, оттянув уши, улыбнулась отражению и вышла из квартиры.

– На Московский вокзал, – вежливо сказала она таксисту.

Он молча подчинился ей, повернув ключ зажигания.

* * *

На безлюдном перроне Московского вокзала стояла женщина с короткой стрижкой. Она читала газету. Морозный воздух стыло поблескивал крохотными снежинками, вырываясь струйками пара из закрытых дверей вокзала. «А где пассажиры? – Гюзель Аркадьевна поправила сползшие на кончик носа очки и посмотрела на перрон. В обозримом пространстве никого не было: – Понятно, что поезда нет, поезд может опоздать, а вот где пассажиры? Почему, кроме меня, на перроне никого нет?».

Она вошла в здание и с этим же вопросом обратилась к постовому милиционеру.

– А зачем вам пассажиры? – спросил постовой, не скрывая ехидства.

– Ну, где пассажиры, там и поезд, – смущенно пояснила Юмашева, в глубине души злясь на бестолкового сотрудника транспортной полиции.

– А поезд вам зачем? – он уже не скрывал ехидного смеха.

– Чтобы в Москву уехать, – ответила Гюзель Аркадьевна. Не выдержав, она вспылила, – а зачем мне в Москву надо – не скажу. Говори немедленно, где поезд и пассажиры? Поезд должен отправляться через пять минут.

– А он и отправится через пять минут. – Он выдержал длинную паузу: и желчно добавил. – Но с Ладожского вокзала. – Постовой милиционер стер ухмылку с лица и, окинув Юмашеву презрительным взглядом, бесследно испарился.

«Мент поганый», – ругнулась она вполголоса и оглядела вокзал. Пустой и длинный, непривычно безлюдный, вокзал выглядел, словно все пассажиры на свете вымерли, как мамонты. Юмашева почувствовала, что сердце учащает ритм с центростремительным ускорением. Еще мгновение – и оно выскочит из привычного гнезда, расправит крылья и улетит. «Это стресс, самый настоящий стресс, – подумала она. – Нормальные люди в такой ситуации запросто могут получить инфаркт. Но это нормальные люди могут получить инфаркт. А что должны делать ненормальные? Черт, куда испарился этот наглый постовой? Где дежурный по вокзалу? Должен же быть здесь кто-то живой!».

И она медленно побрела в поисках дежурного по вокзалу. Торопиться было некуда, даже табло расписания отключило свои мигающие огни. «Вот что, значит, кричала мне вслед эта мерзкая кассирша, а я, как всегда торопилась. Мне повсюду грезятся привидения. В голову не могло прийти, что поезд в Москву идет с Ладожского вокзала! Всю свою сознательную жизнь уезжала в Москву с Московского, да не только я, весь Ленинград-Петербург в Москву уезжал только с Московского вокзала! А с Ладожского вокзала можно ездить разве что в Финляндию...»

– У меня билет на поезд в Москву! – она протянула билет в окошечко дежурной по вокзалу.

– Мы возвращаем только тридцать процентов от стоимости билета, – сухо сообщила заспанная женщина лет пятидесяти.

– Это же грабеж! – возмутилась Юмашева. – Статья 161 Уголовного кодекса Российской Федерации, раздел «преступления против собственности».

– У вас в билете указано, что поезд отправляется с Ладожского вокзала, – отрезала дежурная и отодвинула стул от окна.

На языке у Гюзели вертелись обидные слова, уже готовые сорваться и понестись по зданию вокзала. «Надо было спросить, когда следующий поезд», – подумала она, с трудом удерживая рвущуюся наружу ярость.

– Следующий поезд в час дня, – вполне дружелюбно сообщила дежурная в микрофон.

«Вот сволочь! Она мои мысли читает. Еще бы, это же ее профессия – читать склонные мысли опоздавших пассажиров. Но я же не опоздала! Я вообще никуда и никогда не опаздываю. Сколько же у меня денег с собой? Мало денег, как всегда мало, все командировочные ушли на покупку билета. Что делать?»

Юмашева отошла подальше от проницательной дежурной. «Надо успокоиться и подумать, что дальше делать, куда бежать, с кем ругаться? С дежурной? Ей и без меня тошно. Сидит тут, не спит всю ночь. Если вовремя не прибуду в Москву, значит, все, хана мне. Я никому не смогу объяснить, почему и по какой причине не прибыла в министерство к назначенному сроку. Да и кто поверит? Перепутала вокзалы… В поезде миллион пассажиров, и на весь состав оказалась одна идиотка. Интересно, сколько пассажиров в поезде? Тысяча, две? В процентном отношении цифра пугающая».

– Скажите, а можно вернуть билет?

Юмашева оглянулась. Сзади стоял мужчина, высокий, темноволосый, в черном кашемировом пальто, немного взъявленный. Он совал билет в окошечко, не замечая вертящейся тарелочки.

«Господи, кажется, кривая процентного соотношения идиотов слегка поднялась вверх. У меня появилась компания», – обрадовалась Гюзель Аркадьевна. Она придвигнулась к окну дежурной, стараясь разглядеть лицо мужчины. «А он ничего себе, симпатичный, можно сказать, красавец! – мысленно радовалась Юмашева. – Культурный, вежливый, не злится, хотя у него на лице дорожный стресс. И на лице тоже…»

– Вы перепутали вокзал? – Юмашева нетерпеливо подергала мужчину за рукав пальто.

– Да, а что? Вы тоже перепутали? –казалось, что мужчина нескованно обрадовался. Он сразу забыл про свой билет и наклонился к Гюзель.

– Мы с вами два идиота на весь состав. У меня стресс! Дорожный стресс! А вы? Вы, как себя чувствуете? Расстроились?

– Да, меня должны встречать в Москве. Если вовремя не приеду, мне будет хана. – Мужчина вздохнул и страдальчески поджал губы.

«Он сейчас похож на мальчишку, нечаянно прогулявшего урок. Ему к лицу экстремальные ситуации. И еще мы употребляем одинаковые словечки в стрессовом состоянии, что явно означает явное родство наших душ», – обрадовалась Юмашева.

– А почему вы перепутали? Я не знала, что поезда в Москву идут с Ладожского вокзала. Как-то не думала об этом. Целый час торчала на перроне с газетой. Могла бы и на Ладожский успеть за это время. А вы? – заговорила Юмашева, пытаясь объяснить причину собственной рассеянности. Она нарочно размахивала руками, и будто нечаянно задевала мужчину перчатками. Словно касаясь его, она обретала утраченное спокойствие духа.

– Тоже не знал, целых два часа бродил по городу, чтобы скоротать время, – виновато пояснил мужчина, – я из Москвы.

– Ах, да вы москвич! – закричала Гюзель. – Не люблю москвичей, терпеть их не могу, но сейчас, сейчас готова вас обнять и расцеловать.

– Я тоже, – весело согласился мужчина.

– Что – «я тоже»? – удивилась Юмашева.

– Тоже готов вас расцеловать. И крепко обнять. – Он забрал деньги из тарелочки, небрежно сунул их в карман пальто и галантно предложил Юмашевой свой локоть.

– Это потому, что нас двое. Компания, так сказать, идиотам в компании веселее. – Она уцепилась за его руку, чувствуя надежное тепло, исходящее от мужчины. – Меня даже зазнобило, это нервное. Мне обязательно нужно быть в Москве. Меня тоже встречают, только не с цветами и фанфарами. Еду за нагоняем. А вы?

– А меня ждут цветы и фанфары, – засмущался мужчина, – кстати, я – Андрей.

– А я – Гюзель Аркадьевна.

– О-о, так красиво. Но слишком высокопарно и длинно. Я вас буду звать Гуля. Разрешаете? – он склонился над ней. У Гюзели закружилась голова, она вдруг ощутила себя слабой, незащищенной, бог знает кем обиженней. Скорее всего, всеми, кому не лень обижать одиночную женщину.

– Разрешаю, – она теснее прижалась к нему. – Что делать, Андрей? Следующий поезд только в час дня. Меня же расстреляют за опоздание.

– А меня не расстреляют. Но мне придется самого себя приговорить к высшей мере наказания. Где тут у вас гостиницы поблизости?

– Зачем? Зачем гостиницы? – Гюзель испуганно отпрянула от него: «Господи, этого еще не хватало. Вот, будешь знать, как разговаривать с незнакомцами. Искать душевное успокоение у незнакомых мужчин неприлично. Это занятие всегда заканчивается гостиницей!».

– Мы позвоним в Пулково и выясним, когда самолет. Полетим в Москву? – он крепко прижал ее руку к себе.

– Полетим-полетим! – мечтательно пропела Гюзель. Она будто плыла по воздуху. Ей нравилась эта романтическая прогулка с красивым и сильным человеком, не впадающим в стрессовое состояние из-за мелких пустяков.

Ночная «Октябрьская» ослепила ярким светом, громкой музыкой, людским гулом, шумом вентиляторов и кондиционеров. Андрей прошел к вывеске «Аэрофлот», протянул визитную карточку девушки, сонно клевавшей носом в это позднее время. Девушка оживилась, сонное выражение исчезло с ее лица. «Меня зовут Марина, – сказала девушка, – вы опоздали на поезд, сейчас мы вас отправим в Пулково, вот номера и время рейсов». Через минуту она уже протягивала из окна кассы бумажки с номерами рейсов.

«У меня же денег нет, черт, как ему сказать-то? Тысяча рублей в кармане валяется, – думала Юмашева, наблюдая за оживленной беседой Марины и Андрея. – Этих денег должно хватить на один московский день. Мне даже позвонить некому, пожалуй, дома можно наскусстить еще тысячу, получится всего две, а билет в Москву стоит, наверное, тысячи четыре. Грабеж!».

Последнее слово она произнесла вслух, и Андрей оглянулся, глядя на нее с недоумением.

– Я говорю – «грабеж». Железная дорога возвратила мне третью часть стоимости билета, чистой воды грабеж, статья 161 УК! – повторила она, стыдливо отворачивая расстроенное лицо.

«Как ему сказать, что у меня не хватает денег. Даже позвонить некому. Конечно, позвонить есть кому, остались еще “друзей адреса”, но… Меня никто не поймет. Все знают, что Юмашева находится в дороге по пути в Москву, скоро остановка в Бологое, и вдруг, нате вам, звонок посередине ночи, дескать, дайте денег на билет. Нет, на это я пойти не могу! Лучше вообще никуда не поеду! Пусть все будет, как будет».

– Забудьте, Гуля, о железной дороге и грабителях, идемте, – он нежно подхватил ее под руку и потащил к выходу.

Марина, вытянув шею из окошечка, с интересом смотрела им вслед, раздумывая, как могла эта странная парочка отстать от поезда. Где они прохлаждались, пока загружался поезд, в каком славном месте находились?

Автомобили разнообразных моделей, сверкая вымытыми боками и желтыми вывесками «такси» толпились у входа в гостиницу, заманивая припозднившихся пассажиров. Таксисты, отталкивая друг друга, бросились к Андрею, наперебой умоляя его выбрать самую скорую, самую удобную, самую безопасную и абсолютно недорогую машину. Он жестом отстранил от себя назойливых таксистов и усадил Гюзель на заднее сиденье в бордовую «вольво». Сел рядом и тронул водителя за плечо.

«Господи, куда я еду, у меня же денег нет, надо бы сказать ему. – Но ей нравилось подчиняться галантному и сильному мужчине. Это было настолько приятно, что Юмашева не смогла

заставить себя сделать чистосердечное признание, да и не совсем это удобно делать в присутствии таксиста. – Не скажешь же вслух, знаете, дорогой мой, а у меня денег нет. Вот что он подумает? Имеется в виду таксист...»

«Вольво» мчалась по ночному морозному Петербургу. В машине было тепло и уютно. «Совсем, как у меня в кабинете, – подумала Юмашева и сладко потянулась. – Кажется, я влюбилась в этого незнакомца, ужас какой. А никакого ужаса и нет. Мое давнее одиночество стало для меня второй кожей. В голове только работа, работа и работа; сплошные трупы, кражи, грабежи и разбои, бомжи, нищие, совещания, выговоры, разгильдяи-опера... Все перемешалось в моей жизни, и я давно забыла, что такое любовь, чувства, эмоции, мужская ласка и твердый локоть под боком. А, может, это из-за стресса? Все-таки ночь, зима, студеный январь, вот и захотелось мужского локтя. Надо же на что-то опереться в этой сумасшедшей жизни. А вдруг он бандит? Или вор в законе? Вроде, нет, Андрей не похож на вора в законе, да и на бандита не похож. А на кого он вообще-то похож?»

– А где вы живете? – спросил Андрей. Он сидел рядом, тесно прижавшись к ней, словно ему тоже было одиноко в этой夜里. Романтическая ночь распространяла свои длинные щупальца на всех, кто оказался далеко от дома.

– На Английской набережной, не очень-то далеко от вокзала, – «В этом месте можно сказать, – подумала она, – что мне нужно заехать за деньгами». Но такси уже мчалось по Московскому проспекту, морозному и белому, длинному и бесконечному, казавшемуся нескованно прекрасным в этой романтической夜里.

«А-а, ладно, все равно дома не усну. Буду переживать и страдать изо всех моих слабых сил. А в аэропорту честно во всем признаюсь, провожу в самолет – и поблагодарю за моральную поддержку. Ну, не каждый же день мне встречаются потрясающие мужчины!»

Она еще не знала, в чем она собирается честно признаваться, но ей очень хотелось сделать Андрею какое-нибудь признание. Любое!

Пулково встретило потерявшихся путешественников приветливо. Огни ночных баров уютно светились, приглашая сонных путников выпить чашечку кофе или чего покрепче, кассы работали, редкие пассажиры бродили по безлюдному зданию аэропорта в ожидании своих рейсов, и Гюзель нестерпимо захотелось в Москву, в новую жизнь. Ночью в незнакомом месте всегда кажется, что прямо сейчас, именно с этой минуты начнется другая жизнь, в ней можно спрятаться от прошлой, до колик надоевшей.

– Как нам улететь в Москву? – поинтересовался Андрей в первой же кассе.

– В шесть утра, билеты перед вылетом, – улыбнулась кассирша. Она не выглядела сонной и вялой, наоборот, бодро улыбалась, приветствуя Андрея и Гюзель, будто они пришли в гости к ней.

– Идемте в кафе, вы вся дрожите от холода. Сейчас мы выпьем по чашке кофе или чая, съедим по бутерброду, и нам станет веселее, – он обнял вдруг съежившуюся от страха Юмашеву и потащил к бару.

«Конечно, веселее. Два идиота рядом – веселья не оберешься... Это надо же было так влюбиться, безвозвратно и безнадежно. Если бы мне мораль позволяла, я бы ему сказала, давай плюнем на эту Москву и поедем ко мне, на Английскую набережную, где можно забыть о делах, о Москве, о поездах и самолетах, ну, хотя бы на один день забыть. Почему мораль такая суровая штука? Почему она не позволяет выдавить ни одного слова из пересохшего горла? И что здесь безнравственного? Взрослые люди, красивый мужчина и одинокая женщина неожиданно понравились друг другу...»

Гюзель не смотрела на Андрея, но видела его, как и он видел ее, не глядя ей в глаза. Они давно догадались, что думает каждый из них. Ночью все чувства обостряются, и слова утрачивают всякий смысл.

«Наверное, думает о том же, но у него моральные принципы. Господи, какие же мы несчастные, боимся совершить безнравственные поступки, трясемся от страха, как маленькие дети. С другой стороны, завтра обязательно наступит утро. Мы будем сожалеть, что поддались на удочку своих желаний, утратив всякое представление о той самой морали... Надо бы заговорить, а то наше молчание затянулось не на шутку». Она не смотрела на него, ее мысли крутились по кругу, напоминая белку в цирковом колесе.

– Гуля, о чём вы думаете? – спросил он, двигая бокалом по столу, словно разыгрывал партию в несуществующие шахматы.

– Обо всем. О странной ночи, наполненной мистическими предзнаменованиями, неосуществленными желаниями и совпадениями. А вы? – она отпила глоток коньяка и задохнулась. Первый глоток оказался слишком крепким.

– Почти о том же, странно все, что случилось. Почему именно вы оказались на моем пути? Почему не кто-то другой или другая.

– Я вам не нравлюсь? – пошутила Гюзель.

– Отчего же? Очень нравитесь. И вы знаете. В вас можно влюбиться с первого взгляда. Сначала я растерялся, там, на вокзале. А когда вас увидел, безумно обрадовался, и уже через минуту влюбился.

Юмашева хотела сказать: «Я тоже влюбилась!», но усилием воли сдержала порыв, и слова повисли на губах, она прижала салфетку, чтобы промолчать, не позволить открыться губам, нагло замкнуть их, чтобы неосторожное слово, не дай бог, невзначай не вылетело, не испортило очарования волшебной ночи. Острое желание обладания мужчиной охватило ее. Она закрыла глаза, чтобы никто не догадался о греховых мыслях, терзавших ее душу и тело, да и кто мог догадаться в пустом баре ночного аэропорта, где, кроме Андрея, никого не было. Барменша спряталась в глубине стойки, прикорнув в кресле, короткая долгую зимнюю ночь. «А что испытывает Андрей, какие желания обуревают его?» – подумала Гюзель и приоткрыла глаза. Она увидела пристальный взгляд серых глаз, разглядывающих ее лицо, руки, он смотрел на нее, съежившуюся от давно забытых желаний, с нескрываемым любопытством. «Надо что-нибудь сказать, а то веду себя, как дикарка, то от поезда отсталая, то денег на билет нет, то вдруг возжаждала мужской ласки. Чушь какая-то, надо срочно освоить цивилизованные формы ведения беседы с незнакомым мужчиной. Ха-ха».

– Андрей, а кто вы по профессии? – спросила она, принимая позу великосветской дамы, обучавшейся манерам и этикету английской бонной. Не финской, не немецкой, непременно – английской...

– Неужели это сейчас так важно? – изумился он, закуривая сигарету.

– Ну, не очень, но нужно же о чём-то говорить. До самолета еще три часа, мы здесь уснем, если будем молчать с закрытыми глазами, – сердито буркнула Гюзель.

– Можно обсудить тему освоения Галактики, волнующую в этот момент все человечество, – рассмеялся Андрей.

– Да-да, есть ли жизнь на Марсе? – подхватила шутку Юмашева.

«Вот и поговорили, называется. Почему нельзя поговорить о душе, о том, что волнует двух незнакомых людей в зимнюю ночь в пустом баре аэропорта. Даже самолеты сегодня не гудят, наверное, отсыпаются перед перелетом, или, может, погода нелетная? Бог с ней, с погодой, все равно никуда не полечу. Завтра получу по заслугам за все, что сделала и не сделала, за все мыслимые и немыслимые поступки. Утром все встанет на свои места, стресс забудется, затрется текущей жизнью, заплынет очередными делами и проблемами, а через день уже забуду, что меня на какое-то мгновение взволновал этот сильный и мужественный человек. Утром все желания покажутся смешными и нелепыми», – уныло думала она, отпивая коньяк мелкими глотками, чтобы не задохнуться.

– Не люблю говорить о работе, – заговорил Андрей, – есть я, и есть работа, и мы существуем отдельно, на разных полюсах.

– Понятно, работа для вас источник существования, – сказала Гюзель просто так, чтобы что-нибудь сказать.

– Не совсем так. Хочу сказать, что работа не может служить обозначением человека, профессия не определяет характер.

«Вот здесь можно с ним спорить, как раз профессия определяет характер. К примеру, мой организм не может существовать без работы и вне работы, и ничего с этим поделать невозможно. И моя профессия определяет мои поступки и, разумеется, характер. Правда, сегодняшний случай не является доказательством сложной теоремы. Это исключение из правил». Гюзель мысленно спорила с Андреем, стараясь не встречаться с ним взглядом.

– А кто вы по профессии, Гуля? – услышала она и улыбнулась.

– Не могу сказать.

– Что-нибудь секретное, связанное с правительством? Вы так испугались на вокзале. Я уже решил, что ваша жизнь в опасности.

– Нет, что вы, ничего такого… имею в виду, ничего секретного. Просто привыкла к точности и порядку, к дисциплине. Не люблю, когда выбиваюсь из режима, тогда… – она снова запнулась и замолчала.

– Что тогда? Скажите, что тогда? – спросил Андрей. В его глазах зажглись огоньки, у него и прежде светились глаза, но это были другие пожары.

Она оглядела пустой зал, подыскивая подходящий ответ, но ничего не придумала, что бы ему ответить, и продолжала молчать. «Что сказать? Когда выбиваюсь из режима, а это случается редко, то всегда вспоминаю, что я все-таки – женщина, и мне могут нравиться мужчины. И в них, оказывается, можно видеть не только коллег по службе и товарищей по оружию. Но в такие моменты любые мысли мне кажутся грешными, достойными лишь порицания и осуждения. И вообще что я здесь делаю, зачем сижу с этим человеком за одним столом и изнываю от мучительных сомнений?»

– Понятно, что тогда с вами случается. Успокойтесь, все нормально. Было бы гораздо хуже, если бы с вами ничего подобного не случалось, – сказал Андрей.

Гюзель ничего не поняла из сказанного, да и Андрей говорил скороговоркой. Он посмотрев на часы, будто торопил время. Вдруг встал и требовательно протянул руку: «Ваши документы!»

Гюзель протянула паспорт, и он ушел, оставив кейс на столике. «Какой он все-таки легко-мысленный, оставил все свое имущество незнакомой женщине», – подумала она раздраженно, но Андрей быстро возвратился, размахивая билетами, будто в руках у него оказались карты или счастливые лотерейные билеты с миллионным выигрышем. «Интересно, что бы я делала с этим кейсом, если бы он вообще не вернулся?» – подумала она. Вопрос остался без ответа.

– Мы вылетаем через полчаса. Могу сообщить важную новость, мы летим вдвоем в самолете.

– Как это? Разве так можно? Вдвоем? – широко распахнула глаза Юмашева.

– Можно-можно, рейс коммерческий, – он взял со стола кейс и подхватил Гюзель под руку. – Идемте, больше не могу сидеть в этом пустом баре.

«Наверное, разыгрывает меня. Так не бывает, чтобы в самолете летели только два человека. Неслыханное дело», – думала Гюзель Аркадьевна, еле успевая за быстрыми ногами Андрея. «Он ведет себя так, будто отдыхал где-нибудь на Занзибаре, и может не спать еще неделю, а то и две. Бодрый, свежий, вышагивает, как Джеймс Бонд, а я что-то совсем раскисла».

Гюзель встряхнулась, выпрямилась, приноровилась к стремительным шагам Андрея и почувствовала, как они слились в едином ритме, словно кружились в вальсе. «Вот как надо жить, не раскисать от малейшей неприятности, а шагать в ногу со временем, и не отставать

от него, а лететь в самолете, если опоздала на поезд, успевать на космическую ракету, если самолет сломался».

— Андрей, а деньги за билет я верну в Москве... — начала было она, но он перебил, громко смеясь.

— Что же, я не могу купить билет даме?

— Вы и самолет можете купить? Имеется в виду даме, — засмеялась она.

— Могу и самолет. Если дама мне очень понравится.

Они прошли по трапу и оказались в салоне. Две стюардессы встретили их приветливыми улыбками. Гюзель мысленно охнула, ахнула и зажмурилась, то ли от восторга, то ли от ужаса. В салоне никого не было. «Мы и впрямь полетим вдвоем, он выкупил целый самолет, не может быть! Может быть, екнуло где-то под сердцем, может быть, если Андрей богатый человек, или бандит, или вор в законе. Нет, не бывает обаятельных воров в законе, — Гюзель прижала руку к сердцу, — воры в законе бывают исключительно с жесткими и холодными глазами, циничные и бессердечные, жадные и скучные. Ни за что вор в законе не подарит самолет бедной девушке. Даже на полчаса».

Андрей усадил ее в кресло и куда-то исчез. Через минуту он появился с подносами, одеваям и еще какими-то кульками и свертками.

— Андрей, нам лететь всего один час до этой Москвы. Зачем все это? — она, улыбаясь, ткнула пальцем в свертки.

— Даже один час можно провести с удовольствием. Так, чтобы можно было вспоминать об этом целую жизнь, — он разложил еду на подносы и сел рядом с Юмашевой, с трудом пристраивая длинные ноги под креслом.

— Да, — согласилась она, — вы как маг-волшебник: и такси, и самолет, и шикарная еда, — она покосилась на подносы.

— Проблемы решают, — он кивнул головой на подносы, — угощайтесь. Все для вас, загадочная незнакомка.

Гюзель с тоской посмотрела на еду, заманчиво разложенную на двух подносях. «Это так вредно, так не полезно для моего истощенного диетами организма. Но, чем черт не шутит, гулять так гулять!» Она принялась за копченую колбасу, прозрачными ломтиками, разложенную на пластмассовой тарелочке. «Вот и вся любовь, любовь, плавно перешедшая в разряд гастрономического раздела. Мои чувства угасли, так и не разгоревшись под натиском деликатесов».

— Вы так аппетитно едите, пожалуй, тоже перекушу. — Андрей поднес ко рту крохотный бутерброд с сыром.

В салоне запахло укропом, копченостями, разнесся запах коньяка, а Гюзель Аркадьевна мысленно представляла, как ее встретят в министерстве, не переставая жевать и отпивать из крохотной рюмочки жгучую ароматную жидкость.

Неожиданно самолет стукнулся колесами о твердую землю. Гюзель некстати вспомнила слова инструктора по парашютному спорту: «Не бойтесь неба, бойтесь земли. Земля — она твердая и жестокая, ничего не прощает». Самолет задрожал, выпуская из себя нагретый пар, и еще долго гудел, привыкая к земной тверди. Андрей поднялся и протянул руку Юмашевой.

— Не хочу выходить из самолета, можно я тут поживу, — сказала она, зябко передергивая плечами.

— Нельзя, нас ждет Москва, ждут дела, машины и цветы с фанфарами. Ждет другая жизнь. Идемте!

Он легонько подталкивал ее в спину, подгоняя к выходу, но Юмашева шла медленно, слишком медленно, сожалея, что волшебная ночь закончилась, и больше никогда не повторится.

На Ленинградском вокзале они торопливо и как-то бестолково расстались. Андрей поспешил к своему поезду. Гюзель медленно побрела к своему. Отыскивая нужную платформу, она мучительно пыталась понять, почему ее поезд все еще не прибыл в Москву. Поезд пыхтит, раскачиваясь на рельсах, максимально набирая скорость, чтобы вовремя успеть, не сбить расписание, а она уже целый час находится в Москве. Поезд еще мчится по наезженому маршруту, а она за это время успела прожить целую жизнь в другом измерении. В такие моменты можно согласиться с фантастами – время можно обмануть, можно заставить его перетаскивать наши бренные тела в прошлые века, затем в век будущий и обратно.

Она прошла на середину платформы, вспоминая короткое прощание с Андреем. Он протянул ей руку, крепко пожал ее тонкую узкую ладонь и ушел, небрежно размахивая кейсом. Не спросил номер телефона, фамилии, вообще ничего не сказал. «Вот и влюбляйся в этих мужчин», – злилась Гюзель, чуть не плача от бессилия. Она бы и заплакала, если бы не знала, что через полчаса ее встретят коллеги из министерства. Зная ее патологическую нелюбовь к столице, обычно они заблаговременно присыпали машину к поезду, чтобы она не потерялась в огромном холодном мегаполисе. «Пожалуй, это приключение можно считать самым романтическим в моей жизни. Андрей – потрясающий мужчина, но уже ровно через две минуты, – она посмотрела на часы, – мне нужно вычеркнуть его из памяти. Навсегда вычеркнуть, стереть, как стирают черновые записи ластиком. Забыть его запах, манеры, заботу, а что же меня тронуло больше всего? Его забота обо мне? Вряд ли...»

Прошло еще две минуты, и она забыла ночное приключение, усилием воли выбросив из памяти ненужные воспоминания. На перроне Ленинградского вокзала стояла высокомерная женщина, с прямой спиной и жестким взглядом. Надменно поджав губы, она что-то говорила двум мужчинам, встретившим ее у восьмого вагона, прибывшего из Петербурга поезда точно по расписанию.

* * *

Широкие министерские коридоры напоминали линии человеческой судьбы. Причем судьбы у всех министерских чиновников были разные, коридоры служили разделительной полосой: кому-то, рангом пониже, и кабинет достался узкий и темный, кому-то рангом чуть выше, кабинет полагался широкий, вместительный, и сотрудников в кабинете мало, и потолки там высокие. «Наверное, им и лампочки раздают в зависимости от должности», – думала Юмашева, шагая за сотрудником, встретившим ее у входа в министерство. «Куда он меня ведет? Словно в преисподнюю. Интересно, в аду такие же проводники? Наверное, такие же, только ростом пониже», – и она засияла внутренним смехом.

– Сюда проходите, – сотрудник исчез у заветной двери. Он не вошел в помещение, он провалился сквозь землю. Гюзель Аркадьевна могла поклясться, что видела, как проводник нырнул вниз головой.

«Это мне от страха мерещатся разные глупости. Наверное, в лифте уехал. Ну что, вперед!» Она нагнула голову и тоже нырнула в дверь, как в прорубь, там глубоко, страшно и холодно, но оттуда можно выскочить оздоровленной и помолодевшей. Юмашева ступила одной ногой на пушистый ковер, вторую оставила у двери. Страх почему-то прошел, она подтащила вторую ногу, и смело поздоровалась с маленьким тщедушным человечком, сидевшим за огромным столом. Издалека он походил на сказочного гномика. «Это председатель аттестационной комиссии министерства, – подумала Юмашева, – идти мне дальше по ковру или ждать особого приглашения? Лучше подожду приглашения, а то опять нарвусь на неприятности».

– Проходите, пожалуйста, – пригласил гномик низким звучным басом.

«Вот тебе и гномик, у него не голос, а иерихонская труба. Такой голос любого может довести до инфаркта, кто волею судьбы окажется на этом ковре. А что мне судьба подготовила

в этот раз?» У Юмашевой тоскливо заныло сердце, она вдохнула и выдохнула воздух, стараясь совершать эти манипуляции неслышно и незаметно от гномика с громовым басом.

– Вы когда приехали? – спросил гномик. Гюзель Аркадьевна могла поклясться, что его громоподобный голос прозвучал приветливо и дружелюбно.

– Только что с поезда, – она стояла у стола, бесстрашно глядя прямо в глаза маленькому человечку.

Папка с документами под мышкой, очки на кончике носа, сапоги блестят, придраться к внешнему виду никто не сможет. Юмашева знала, что выглядит, как боевой офицер. «Правда, юбка коротковата, но с этим недостатком не поборешься, юбка всего лишь деталь одежды, а превосходно выглядеть в любой ситуации – это качество пришло вырабатывать годами», – она мысленно окинула себя с ног до головы и осталась довольна осмотром.

– Присядьте, – гномик кивнул на стул, стоявший в длинном ряду других стульев рядом со столом.

– Спасибо, – она присела на краешек стула, боясь расплескать душевное равновесие.

– У вас служебные неприятности? – спросил он, глядя на нее через стол.

– Нет, служебных неприятностей не имею. Все хорошо. Рабочая ситуация. – Юмашева знала, что неприятности имеют обыкновение наваливаться разом, пытаясь сломать человека. Если не справились с ним, он не уступил им свое первенство, не утратил духа, они отступают, ищут другого, более слабого соперника.

– Молодец, – скрупо похвалил гномик, – не жалуешься, не плачешь. У меня на ковре мужики слезами умываются, а у тебя ни в одном глазу.

– Никогда не плачу. Иногда хочется, но все равно не плачу, – сказала Юмашева и покраснела.

– Молодец, хорошо держишься. – человечек пожевал губами, словно раздумывал, как ему поступить с Юмашевой.

Она сидела, скромно сложив руки на коленях, покорно ожидая своей участии. «Что он мне может сделать? Понизить в звании? Плохо дело, не хотелось бы», – думала она, разглядывая портрет президента. Он укоризненно смотрел на нее со стены, словно порицал за сложную оперативную обстановку на территории отдела.

– Значит, храбрая, говоришь? Бесстрашная? Как японский самурай? – неожиданно рассмеялся тщедушный человечек за огромным столом.

– Почему – «японский самурай»? – растерянно спросила Юмашева. – Иногда страшно бывает...

– Вот и я говорю, не бывает бесстрашных людей. Тем более женщин. Да и юбка у тебя короткая, – человечек насупился.

«Все разглядели, ничего не упустил. Что мне делать? Молчать или говорить? Буду молчать», – Гюзель Аркадьевна плотнее придвигнулась к спинке стула.

– Не бойся, не буду тебя размазывать. Тебе и так служебное несоответствие светит. Давай о деле, – он придинул к себе стопку бумаг.

«О каком еще деле он собирается говорить? Его дело понизить меня в звании, вот какое у него дело на сегодня», – Юмашева оторвалась от спинки стула и вытянула шею, стараясь разглядеть, что там в бумагах.

– У тебя на территории семь мокрух! И это за один месяц. Ни в одном регионе нет такого безобразия. Ты согласна? – он выглянул из-за бумаг и пытливо уставился на нее.

– Согласна. Ни в одном регионе нет такого безобразия. Но мы работаем, есть идеи, – она запнулась и замолчала.

Немного подумав, она снова прилипла к спинке стула и застыла.

– Какие там идеи. Ничего у тебя нет, – человечек раздраженно махнул рукой. – Если бы были идеи, ты давно бы их реализовала, так?

— Так, — она кивнула ему, или ей показалось, что кивнула...

— Мне пришлось изучить твои дела. Мои аналитики корячились трое суток. Вот принесли обзор, и знаешь, что видно из обзора?

— Что? — она отлипла от спинки стула, готовясь услышать нечто трансцендентное.

— В этих мокрухах есть одна зацепка, одно связующее звено, знаешь, какое? — он вышел из-за стола и подошел к Юмашевой.

«А он совсем не страшный и не тщедушный. Нормальный мужик, среднего роста. Это мне со страху всякие ужасы мерещатся», — подумала Гюзель Аркадьевна и встала, одергивая юбку.

— Сиди-сиди, — махнул он рукой, — ты с поезда. Мои аналитики вытащили из компьютера одну деталь, общую для всех дел — свидетели везде упоминают синюю «Ниву». Понятное дело, номеров нет, вообще ничего нет, кроме цвета и модели. Ваши аналитики не увидели эту деталь, да они и не искали, — он махнул рукой в сторону, что явно означало, что аналитики в Петербурге никуды не шли, никто не рассматривал дела в совокупности, а надо бы...

Он зашел за глыбу стола и долго усаживался в кресло с высокой спинкой. Юмашева сидела, не шевелясь, проклиная себя за вечное шапкозакидательство: «Ну, почему я сама не изучила дела? Теперь сиди и выслушивай вполне справедливую критику в свой адрес под проницательным взором президента. Так тебе и надо!»

— Если ты внимательно изучишь дела, мне думается, — он помолчал, подбирая нужные слова, — ты сможешь справиться с ситуацией, несмотря на трудности. А не справишься... Сама знаешь, что бывает за такое разгильдяйство.

— Знаю, — с трудом выдавила из себя Гюзель Аркадьевна.

— Вот и хорошо. Пока ограничимся предупреждением. Даю тебе срок до 15 февраля. Если не справишься, пеняй на себя. Все понятно?

— Так точно, товарищ генерал! — Юмашева вскочила и вытянулась в струнку.

«Сегодня же куплю новый костюм. Моя короткая юбка доведет меня или кого-нибудь из окружающих до инфаркта», — думала она, незаметно прижимаясь к столу.

— Иди-иди, удачи тебе, — генерал махнул рукой и углубился в документы, потеряв интерес к нездачливой посетительнице.

«Сейчас поеду в магазин, там, наверное, новогодние распродажи еще не закончились, авось отхвачу себе юбку на пять сантиметров длиннее. В этой невозможно ходить по министерству, внутренние комплексы сжирают».

Она медленно вышла из генеральского кабинета и увидела, что в приемной появился новый секретарь, молодой мужчина в форме, кивнула ему и направилась по коридору к лифту. После несостоявшейся экзекуции министерский коридор уже не казался линией судьбы, ведущий прямо в преисподнюю. Наоборот, коридор напоминал взлетную полосу перед стартом.

— Поехали! — вслух произнесла Юмашева, нажав кнопку лифта.

Ей захотелось свернуть горы, повернуть вспять реки, перепахать целинные земли, улететь на Луну. В общем, захотелось что-нибудь изменить в своей жизни. Срочно! «Надо купить новую юбку!» — подумала она и решительным шагом вышла из здания министерства.

* * *

На Житной она немного погрустила, размышляя, стоит ли ей отовариваться в московских универмагах, денег и так кот наплакал, вечно их не хватает, и эта юбка совершенно новая, никто не заставлял покупать такую короткую, но, повздыхав по поводу собственных нездавшихся хозяйственных способностей, Гюзель Аркадьевна покатила в сторону ГУМа. Она перерыла все лавки и отделы, отыскивая подходящую юбку с соответствующей ценой, пока не наткнулась на отдел, в котором зевали две юные продавщицы.

— Девушки, подыщите мне юбку, такую, чтобы и не слишком короткая была, и не длинная, и коленки сверкали, и чтобы мужики падали штабелями, и цена не зашкаливала… Я командировочная, не местная, — она шутила и смеялась. Юмашева еще не верила, что тучу пронесло, а гроза грянет только через месяц, 15 февраля. Если она постарается и прогнется в три погибели, гроза обойдет ее стороной.

«А уж я прогнусь, я расстараюсь, не дам неприятностям грянуть над моей головой», — мысленно клялась Гюзель Аркадьевна, роясь в ворохе юбок, пиджаков, блейзеров, охотно доставленных смешливыми девушками.

— Вот эта, — она выбрала юбку и посмотрела этикетку, — ой, слишком дорого, несите другую.

— Примерьте, мы вам скидку сделаем, — затараторили в один голос девушки, — примерьте, это ваша юбка. У нас глаз наметанный.

— А со скидкой сколько будет стоить? — осторожно спросила Гюзель Аркадьевна.

— За пятьсот отдадим, дешевле купите только на вещевом рынке, но там, сами понимаете, — девушки продолжали говорить в один голос, расхваливая московскую юбку.

«Пятьсот за такую юбку! Вот это да! А я все Москву ругаю, а здесь кругом милые девушки, добрые, отзывчивые, пожалуй, таких девушек в Питере не найти, настоящие московские барышни», — весело подумала Гюзель Аркадьевна и отправилась в примерочную кабину. «Эх, хороша юбка, в ней бы в министерство явиться на прием!» Но Юмашева тут же устыдилась собственных мыслей. «Юбка как юбка, стильная, за колено, как и положено красивой женщине, dame, которой галантные мужчины готовы купить самолет. Хотя бы на час…» В этом месте Юмашева вспомнила Андрея, прикосновения его рук, запах кожи. И еще она вспомнила, как в самолете у нее кружилась голова от внезапно свалившейся на нее любви. Она вышла из примерочной, и девушки ахнули конечно же в один голос: «Ах, как хорошо, как здорово, юбка ваша, вы в ней будто родились!»

— Правда, хорошо? Девушки, не обманываете? — Гюзель Аркадьевна кокетливо повертелась перед большим зеркалом. — Когда человека очень мало, тогда требуется много одежды. И наоборот. Не обманываете меня? — спросила она, не в состоянии оторвать восхищенный взгляд от зеркала.

— Нет, зачем нам вас обманывать! — дуэтом заверещали девушки и побежали оформлять скидку.

Юмашева решила переодеться. «А что, буду ходить по Москве в новой юбке. Нельзя, что ли, немного пофорсить полковнику? Интересно, а меня много или мало, имеется в виду, как человека? Мне много требуется одежды? Пожалуй, мало, китель да сапоги, да вот еще и новая юбка. — Она прошлась по лестницам универмага, разглядывая себя в зеркало. — Шик, блеск, красота! — Юбка обтягивала бедра, как нейлоновый чулок, не стягиваясь в складки, не морщась и не облипая тело. — Очень сексуально», — радовалась Гюзель Аркадьевна, отгоняя от себя мрачные мысли, стараясь не думать о возвращении в Петербург. Дома ее ждала изматывающая работа с неясными перспективами в конце тоннеля.

Остатки командировочных денег ушли на обед в «Макдональдсе», да еще немного осталось на такси до Ленинградского вокзала. Взъерошенный таксист мрачно спросил, когда она остановила его.

— Бабло есть?

Юмашева озадаченно уставилась на него, раздумывая, что бы такого яреного ему сказать, но сдержалась и ехидно ответила:

— И бабло есть. И дедло в наличии! Могу предъявить. Откуда такой интерес?

— Садитесь, — таксист хмуро кивнул ей. — Только что клиент кинул. Извините.

— Москва… — сказала Гюзель Аркадьевна, вкладывая в слова философский смысл с оттенком иронии.

– Москва! – мрачно подтвердил таксист и сплюнул в открытое окно.

«Сам москвич, а город не любит. Надо же, а мне Москва сегодня очень нравится, такая милая-милая Москва, очень симпатичная и хорошенькая», – думала Юмашева, выглядывая из окна автомобиля, стараясь разглядеть Кремлевские звезды.

В поезде она крепко уснула, стараясь не замечать пыльных одеял, постельного белья, с которого дождем сыпалась грязная труха, грязи в туалете и обычной вони, сопутствующей всем железнодорожным составам, изо дня в день перетаскивающим непрятательный народ. «Ну, не каждый же день в конце концов летать в индивидуальном самолете», – с иронией подумала Гюзель Аркадьевна. На секунду ей улыбнулось лицо Андрея, она удержала его в памяти, и вместе с ним погрузилась в крепкий сон, такой крепкий, что проснулась она, когда состав уже подъезжал к Колпино.

«Что ж это я? Скоро дом, мой дом – Петербург! Не люблю, когда город называют Петером, это звучит пошло», – подумала она, ловко спрыгивая с верхней полки. Быстро натянув сапоги и набросив куртку, Гюзель Аркадьевна бросилась к выходу. «Скорее, скорее домой, быстро переодеться и на работу!» Если бы можно было не заходить домой, а сразу идти на службу, Юмашева так и сделала бы, но порядок есть порядок, она должна появиться в отделе, блестящая и выпрямленная, как морской кортик.

* * *

– Проходи, сынок! – сказал широкоплечий плотный мужчина, сидевший в кресле. Он глубоко утонул в нем, отчего его ноги оказались выше головы. Входящему показалось, что слова приветствия доносятся через глухую перегородку.

– Пап, тебе вредно сидеть в таком кресле, выкинь ты его, в конце концов, – вошедший протянул руку для приветствия через ноги сидящего в кресле. Ухватив отца за руку, он с силой дернул его и поднял из кресла.

– Велика сила привычки, это же кресло генерала Бойкова, помнишь такого? Откуда тебе помнить, – отец раздраженно махнул рукой, он с сожалением поглядел на кресло, – когда я вышел в отставку, хозяйственное управление специальным приказом передало мне это кресло на вечное хранение, как в музей. Так-то! – плотный мужчина остановился возле кресла и долго смотрел на него, предаваясь приятным воспоминаниям.

– Виктор Ефимович, вам принести чаю? – чуть приоткрыла дверь секретарша.

– Да-да, и чаю принеси, и к чаю чего-нибудь покрепче. Видишь, кто у меня в гостях, самый дорогой гость – Ефим Викторович Лесин!

– Здравствуйте, Ефим Викторович, я вас не видела, выходила на минуту, – секретарша, не договорив, исчезла за дверью.

– Вечно она выходит на минуту, никогда ее на месте не бывает, – проворчал Лесин-старший.

– Не ворчи, пап. От этого музеиного кресла у тебя давление подскочило.

Лесин-младший присел на стул, стоявший у письменного стола. Он посмотрел еще раз на историческое кресло, перевел безразличный взгляд на портрет президента, висевший над столом, пробежался глазами по столу и, наконец, посмотрел в глаза отцу. Немного помолчав, он сказал:

– Не могу, пап, больше! Сил нет.

– Фима! – строго произнес отец. – Не сметь! Не раскисай, время еще не пришло. Все мы проходили через это, думаешь, только тебе хреново? И я прошел через это испытание, думаешь, так просто я полковника получил? Многое пришлось вытерпеть... Что у тебя?

– Опять проверка, совсем замучили нас. Мне выговор обещали за плохую организацию работы.

Лесин-младший побарабанил пальцами по столу, выбивая незамысловатую музыкальную пьесу. Виктор Ефимович задвинул злосчастное кресло за шкаф и сел за стол рядом с сыном.

— Фима, служить надо? Надо, — сам себе ответил он. — В службе всякое случается, и проверки не самое гнусное в нашем деле. Придет время — уйдешь в отставку, получишь полковника или, даст бог, генералом станешь. Потерпи, сынок. Материально я тебя обеспечиваю, ты ни в чем не нуждаешься, можешь свою зарплату в фонд национальной безопасности отдавать. Зачем тебе зарплата сотрудника милиции? Копейки, — презрительно фыркнул Виктор Ефимович.

— Думаешь, мне приятно на твоей шее сидеть? Я и сам мог бы эти деньги заработать, — с излишней горячностью проговорил Лесин-младший и умолк.

— Деньги зарабатывать тяжело, здесь мозги нужны. — Виктор Ефимович многозначительно покрутил большим пальцем у лба.

— У меня, что, мозгов нет? — спросил Фима.

— Пока нет, нет мозгов пока. Неси-неси, Ниночка, — сказал Виктор Ефимович вошедшей секретарше. Она внесла поднос с кофейником, чайником и чашками, — Ниночка, тебе уши не надо прочистить? Я же сказал, принеси чего-нибудь покрепче.

— Коньяк? Виски? — спросила секретарша, оставаясь невозмутимой.

— И коньяк, и виски, лимончик порежь, да колбаски, да икорочки достань. Ниночка, только поживей! — скомандовал Виктор Ефимович.

— Слушаюсь, Виктор Ефимович. — сказала секретарша. Обмахиваясь подносом, как веером, она величаво удалилась.

— Вот, Фима, учись у Ниночки, у нее бронетанковая нервная система, ничем не проймешь. Вот как надо реагировать на ситуацию.

— Пап, у меня тоже крепкая нервная система, и меня ничем не проймешь. Мне не хочется тратить драгоценное время на службу. Я хочу заниматься интересным делом, не хочу просиживать штаны в Главке, не хочу переливать из пустого в порожнее. Понимаешь?

— Понимаешь-понимаешь, — ворчливо согласился отец, — но уходить из ментовки нельзя, категорически нельзя. Запрещаю тебе уходить из системы. Иначе прокляну! Все понял? — Виктор Ефимович побагровел и налился нездоровой полнотой.

Ефим Лесин подавил вздох и взял из трясущихся рук отца фарфоровый кофейник.

— Дай сюда, пап, сейчас прольешь. Успокойся, пусть будет по-твоему.

— Так-то лучше будет, отца слушаться надо, отец дурного не посоветует. Ты служишь не ради собственного благополучия, ты служишь родине, государству! Понимаешь?

— Понимаешь-понимаешь, — поддразнил отца Ефим Викторович, — просиживая штаны — я служу государству!

— Я тебе куплю сколько надо штанов, только не хныкай, будь мужиком. — Виктор Ефимович исподлобья поглядел на сына, и взгляд его потеплел, с лица сошла нездоровая полнота, сизая багровость уступила место рдяному румянцу.

— Отец, а ты так не расстраивайся из-за меня, все будет нормально. — Ефим Викторович выкатил кресло из-за шкафа. — Вот, садись в свое кресло, оно для тебя, как витамины, как импортное лекарство от сердечной недостаточности.

— Лучше, чем витамины, лучше, чем лекарство. — Лесин-старший плюхнулся в любимое кресло и задрал ноги. — Ниночка! — заорал он благим матом. — Твою мать! Неси быстрее свои подносы.

Ниночка мгновенно отворила дверь, будто ждала грозного окрика и быстро расставила угощение на маленьком столике. Она разлила коньяк в рюмочки, поставила два пустых бокала для других напитков и вышла, размахивая подносом, как веником в бане. Виктор Ефимович проводил Ниночку гневным взглядом, но ничего не сказал, взял со столика рюмку, наполнен-

ную янтарной жидкостью, посмотрел на свет, побулькал и негромко стукнул о другую рюмку, предназначенную для сына.

– Давай, сынок, помянем моего хозяина.

– Чокаться нельзя же, – сказал Фима, поднимая рюмку.

– Нельзя чокаться, – согласился Виктор Ефимович, – а я и не чокнулся. Это я так, тебе предлагаю помянуть моего хозяина – Кучинского Сергея Петровича. Хорош-ш-ший был мужик!

– Хороший. Был. Мужик. – эхом отозвался Лесин-младший.

– Не дай бог никому такую смерть. Тоже жизнью был недоволен, и все ему не этак, и все ему не так. На том свете ему, наверное, так, – ворчливо сказал Виктор Ефимович, опрокинув одним махом содержимое рюмки.

– Мокруху не раскрыли? – спросил Ефим, чуть пригубив из рюмки.

– Ты пей, не ставь на стол, – приказным тоном велел Лесин-старший. – Нельзя ставить на стол недопитое. Пей-пей. – Проследив взглядом за сыном, так ли он выполняет ритуальные поминки, Виктор Ефимович строго добавил: – Не ты меня должен спрашивать, раскрыли мокруху или нет, а я тебя… Кто у нас действующий сотрудник?

– Ну, я, – нехотя кивнул Лесин-младший, – что с того?

– Вот тебе и дело, ты не штаны просиживай, а отслеживай, кто работает по мокрухе, какие версии по делу, что нового в расследовании. Хныкать ты мастер, а делом кто заниматься будет? Отец не вечный…

– Пап, ладно тебе, ты еще вон какой здоровый, коньяк пьешь, в баню ходишь, на Ниночку заглядываешься.

– Смотри ты, матери не проговорись, – Виктор Ефимович завертел головой, будто в кабинете был кто-то посторонний.

– Не проговорюсь, успокойся. По мокрухе твоего хозяина, безвременно ушедшего из жизни, собирается работать Юмашева. – Фима захватил пухлыми губами два бутерброда с копченой колбасой, кусочки зелени торчали у него изо рта, как две косички.

– Кто? – прорычал Лесин-старший. – Юмашева? А ей с какого хрена в это дело соваться?

– На ее территории семь мокрух за один месяц. – Фима затолкал косички зелени в рот и, продолжая жевать, добавил: – Ее в Москву вызвали, хотят в звании понизить.

– И что? Понизили? – Виктор Ефимович оттолкнул от себя рюмку, рюмка, зазвенев, упала и покатилась по столику. Он поймал ее широкими пальцами и долго пристраивал в тесное окружение бутылок, рюмок, бокалов, чашек, затем захватил ее большим пальцем и оставил у себя в руке.

– Нет, пока не понизили, все ждут, когда она вернется из Москвы. Небось приедет мрачная, злая, начнет срывать зло на подчиненных. Вытащит всех сотрудников с больничных, с учебы, из отпусков, начнет устраивать строевые смотры, проводить инструктажи, рейды. – Ефим прожевал бутерброды и нацелился взглядом на другую тарелочку, где плотными рядами отдельно лежали кусочки белого хлеба и отдельно розовые ломтики лосося.

– Что же ты мне, твою мать, главного не говоришь? Юмашеву в Москву вызвали по уголовным делам, а я ничего не знаю. А ты начинаешь тянуть кота за хвост, надо служить, не надо служить… Твою мать! – Виктор Ефимович сердито отвернулся от сына.

– Пап, я и пришел к тебе, чтобы рассказать новости. У нас в Главке такое творится! – Фима положил на кусочек белого хлеба несколько ломтиков лосося и долго поправлял кусочки, чтобы одним махом отправить в рот, не уронив при этом ни одной крошки.

– В Главке все время что-нибудь творится, – отмахнулся Виктор Ефимович, – ты мне про Юмашеву расскажи.

Он жадно следил за ртом сына, за каждым его движением, ожидая, когда закончится процесс поглощения пищи.

Фима, с трудом проглотив бутерброд, пригубил малую толику коньяка и лишь после этого сказал отцу:

– Пап, не волнуйся ты так. Юмашева попрыгает-попрыгает и ничего не сделает. Рожденным ползать – летать категорически воспрещается.

– Надо ей помочь! – Виктор Ефимович решительно поднялся из кресла.

– Как это? – поперхнулся Лесин-младший. Он закашлялся, покраснел, продолжая вопросительно смотреть на Виктора Ефимовича.

– Надо помочь Юмашевой. Когда она вернется, я выделю ей сотрудников безопасности, помогу транспортом, сам что-нибудь присоветую.

Лесин-старший подошел к окну. Он молча смотрел на заснеженные деревья, на ворон, лепящихся на промороженных ветках, на одинокий фонарь, высиящийся прямо перед окном.

– Это хорошо, что уголовным делом занимается Юмашева, очень хорошо. Я ей должен помочь! Обязательно должен помочь. – Лесин разговаривал сам с собой, будто советовался с кем-то невидимым, находившимся внутри его.

– Пап, никто никому ничего не должен. И ты ничего не должен Юмашевой, – сказал Фима. Он глотками цедил коньяк из рюмки, недоуменно поглядывая на отца.

– Не дорош ты еще, не понимаешь ничего. – Виктор Ефимович уселся в кресло и устроился поудобнее. Он заметно повеселел, и смотрел на сына ласково, с любовью, с гордостью. – И не надо пока тебе ничего понимать. Не дорош пока.

Гость прихватил пальцами несколько ломтей хлеба с рыбой и молча жевал, перенося любящий взгляд отца с привычной терпимостью избалованного сына.

* * *

Гюзель Аркадьевна посмотрела на часы: «Ого, уже, половина одиннадцатого вечера. Когда же я доберусь до дома?» Она с тоской перевела взгляд на стол, заваленный пухлыми папками темно-коричневого цвета с розыскными делами. Сверху лежал большой журнал, с расчерченными на квадраты листами. Юмашева вносила в журнал фамилии, адреса, телефоны. «Что уж тут, – произнесла она вполголоса, – усилием воли надо одолеть эту массу, отработать до конца, осталось только три дела. А на том свете отосплюсь вволю», – тяжело вздохнув, Юмашева придвинула к себе еще одну папку с надписью – «Оперативно-розыскное дело». Акционерное общество закрытого типа «Петротрэвел», генеральный директор Кучинский Сергей Петрович, 1960 года рождения, уроженец Ленинграда, акционерное общество создал в 1992 году, убит двумя выстрелами в упор в подъезде дома, где был зарегистрирован и проживал с рождения...

«Опять злосчастный канал Грибоедова. Бедный Александр Сергеевич, самого когда-то убили. Теперь на канале, названном в его честь, систематически кого-нибудь убивают разными способами и средствами. Глухарь, вечный глухарь, никаких зацепок, ни одного очевидца. Наверное, очевидцы есть, как же в таком деле без очевидцев, просто их никто не опрашивал, все давно привыкли, что на канале кого-нибудь время от времени убивают, вот и сработал механизм общественного пофигизма. По этому делу необходимо организовать поквартальный обход, обязательно провести опрос жильцов дома, найти всех возможных свидетелей происшествия, – бормотала Гюзель Аркадьевна, вчитываясь в текст. – Ба, да ведь в «Петротрэвеле» работает начальником безопасности Лесин Виктор Ефимович. Кажется, у него сынок имеется, небезызвестный Фима Лесин, работает в Главке главным инспектором. Вот как надо карьеру делать, Гюзель Аркадьевна, для карьеры нужно иметь папу-полковника, будущего начальника большой фирмы. И вообще начинать надо с главного инспектора Главка. Тогда не будешь ездить на перекладных в столицу за слезами, – громко засмеялась Юмашева. – А вот и нет, не за слезами я ездила в Москву, а за славой и успехом! Бог дал мне отсрочку, и если за это

время не найду мокрушника, выйду в отставку и займусь бизнесом. Меня даже в звании не успеют понизить. Буду, как Лесин-старший руководить сотрудниками безопасности, чтобы не допустить в бизнес конкурентов, жадных до чужих денег и идей. Вот и идея появилась, на ночь глядя».

– Вот и идея появилась! – громко сказала Юмашева и вышла из-за стола. – Надо обратиться с просьбой к Виктору Ефимовичу. Может, он припомнит нашу старую дружбу, и поможет? Кучинский – генеральный директор «Петротрэвела», Виктор Ефимович больше всех заинтересован в раскрытии убийства хозяина. Кстати, в деле нет никакой справки о том, что Лесин опрошен. Оперативники не стали опрашивать начальника безопасности… По какой причине?

Юмашева сделала дополнительную запись в журнале. Она не стала садиться за стол. Стоя чиркнула ручкой несколько строчек и зашагала по кабинету, продолжая что-то бормотать себе под нос.

«Сразу по семи делам не смогу работать. Так можно распылиться и ничего не найти. Ни одной зацепки. Если взяться за одно дело, и попробовать размотать хоть что-нибудь, тогда появится надежда. И надежду можно использовать. Идею с синей “Нивой” подсказал мне министерский чиновник. В Москве я ему не поверила. Подумала, дескать, изображает из себя великого сыщика, а он никого не изображал, просто посоветовал, как правильно организовать работу. Короче, хороший мужик оказался. Что ж, посмотрим-посмотрим!»

Она крутанулась на каблуках и подошла к столу. Собрала коричневые папки в общую кучу и побросала все в огромный металлический сейф, долго закрывала замки, поворачивая их из стороны в сторону. «Итак, из семи дел выбираем одно – дело по “Петротрэвелу”, – сказала она самой себе в зеркало, с удивлением разглядывая темные круги под глазами. – Ищем, кто замочил Кучинского Сергея Петровича. Если находим хоть одну зацепку, беремся за остальные дела. А Лесин мне поможет. Мент менту всегда придет на выручку».

Юмашева отошла от зеркала и долго смотрела на телефонный аппарат. «Нет, не буду звонить в адресно-справочное бюро. Не стану устанавливать данные Андрея. Это неприлично – использовать розыскные учеты для личных целей. Не только неприлично, это к тому же и неэтично, в конце концов! Допустим, ты установила номер телефона потрясающего мужчины. Твои дальнейшие действия? Ты будешь звонить Андрею? Представь на минуту – дрожащими пальцами набрала номер заветного телефона. И что ты ему скажешь? Здравствуйте, я ваша тетя! Та самая Гюзель Аркадьевна из самолета, хочу вернуть вам деньги за билет, тьфу ты, чушь какая-то».

Она сняла с вешалки куртку. Не хотелось уходить из кабинета. «Через семь часов начнется новый день, – думала она, невольно вздыхая, – и вместе с ним начнутся новые проблемы. Вместе с проблемами придут новые решения. Вдруг завтра у меня появится страстное желание услышать голос Андрея. Тогда я просто позвоню, послушаю голос и повешу трубку. Смешно. Зато последовательно. Завтра, все завтра», – с этой мыслью Гюзель Аркадьевна вышла из кабинета.

* * *

– Анна Семеновна, не плачьте. – Коваленко наклонился над Карповой. Анна Семеновна залывалась слезами, громко сморкаясь и перхая. Именно это перханье и вывело из равновесия Виктора Дмитриевича. Он брезгливо подергивал носом, что означало высшую степень душевного волнения. – Анна Семеновна, возьмите ручку и напишите, что ваш сын реально захоронен на Серафимовском кладбище. А ваша невестка, то есть жена вашего безвременно умершего сына, очень хорошая женщина, порядочная жена и любящая мать. Пишите, Анна Семеновна, мне некогда с вами возиться.

— А Гюзель Аркадьевна сказала, что вы разберетесь, — укоризненно прошептала Карпова.

— Гюзель Аркадьевна у нас ба-альшая фантазерка, — с преувеличенным восхищением сказал Коваленко, — она и не такое может сказать.

В каждом слове Виктор Дмитриевич делал ударение на «а», отчего фразы растягивались и делались безразмерными, какими-то резиновыми. Анна Семеновна испуганно покосилась на него и схватила шариковую ручку, лежавшую на чистом листе бумаги.

— Что писать-то? — сквозь зубы спросила она.

— А так и пишите. Я вам продиктую. «Начальнику отдела Юмашевой от заявительницы такой-то», как там ваша фамилия, написали? Дальше — «мне показалось, что… приношу извинения и прошу считать мое заявление необоснованным», написали? Затем надо написать так — «далнейшую проверку заявления прекратить и списать в архив отдела». — Виктор Дмитриевич сел напротив Карповой, вытянув ноги под столом, его ботинки проехали по бурым сапожкам Карповой. Она тут же спрятала ноги под стул, словно Коваленко мог пнуть ее. — Да не трясиесь вы, Анна Семеновна, у нас в отделе никого не бьют. Что вы дергаетесь? Пишите быстрее, а то мне срочно уехать надо.

Виктор Дмитриевич шумно зевнул, оскалив тонкогубый рот. Он развалился на стуле, закинув руки за голову, искоса поглядывая на заплаканную Карпову. «Жалко бабку, — думал он, борясь с внутренним раздражением, — вечно эта Юмашева приголубит кого попало. Отшила бы ее сразу, чтобы даром время не терять. Старая женщина из ума выжила, а Юмашева ее жалеет. Причем жалеет за мой счет. Вот и сидела бы сама с ней, утешала бы, слезы ей тут промокала».

В оглушительной тишине неожиданно раздался телефонный звонок. Виктор Дмитриевич снял трубку и прижал ее к уху правым локтем, второй рукой он поглаживал едва отросшие волосы на затылке, торчащие редкой щетинкой.

«Чего-то это он себя гладит, — подумала Анна Семеновна, опасливо косясь на Коваленко, — волос-то на голове совсем нет, молодой еще, а уже плеший. Господи, а что делать-то, ничего не вижу, буквы расплываются, даже очки не помогают, придется на ощупь писать. Чего писать-то? Наташка не позволяет с внуком встречаться, запрещает на кладбище ездить, домой не пускает, какой-то мужик все к ней ездит, соседи видели, как она с этим мужиком разъезжает на “мерседес”».

Карпова натужно вздохнула и вывела первое слово — «Начальнику отдела».

— Привет, Фима! — бойко выкрикнул Коваленко в трубку. — Куда пропал? Как дела в Главке? Нет, не занят, сейчас освобожусь, минуты через две. — Виктор Дмитриевич зажал трубку рукой и зашипел на Карпову: — Пиши-пиши, бабка, только быстро!

Анна Семеновна сквозь расплывающиеся буквы посмотрела на Коваленко. Весело осклабясь, он снова прижал трубку к уху и размашисто кивал головой, соглашаясь с невидимым абонентом. Карпова насухо вытерла слезы клетчатым платком и задумалась.

«Что же это такое? Видимо, придется снова идти к Юмашевой. Она же сказала мне, что этот, — Карпова покосилась на Коваленко, — мне поможет. Разберется во всем, а он развалился на стуле, сидит, как новый русский, наглый, плеший. Еще издевается надо мной. Не буду отказываться от заявления. Пусть кричит на меня, ругается, а я не буду писать под его диктовку. Говорил, что у него дела, а по телефону болтать у него времени есть, трепло несчастное. Никакой управы на таких людей нет. Почему в органах хороших людей мало? А где их много-то? Хороших людей везде мало, на всех не хватает», — Анна Семеновна решительно поднялась со стула, разорвала недописанное заявление на мелкие кусочки и, не обращая внимания на оклик Виктора Дмитриевича, стремительно помчалась к выходу, прижимая мохеровую шапочку к груди.

— Фима, повиси секунду, — Коваленко прижал трубку к плечу и заорал, вкладывая в голос мощный заряд раздражения: — Анна Семеновна, вы еще пожалеете!

Но Анна Семеновна уже скрылась в дверях. Замок звонко щелкнул, наступила тишина. Виктор Дмитриевич с сожалением посмотрел на дверь и спросил трубку:

— Фима, ты на проводе? Да от меня бабка сбежала. Сейчас Юмашева вой подымет. Да и хрен с ней, с Юмашевой. Фима, давай встретимся? Где? Идет.

Виктор Дмитриевич положил трубку на рычаг, провел рукой по столу, будто Карпова могла оставить какой-нибудь невидимый предмет. Убедившись, что на поверхности ничего не осталось, проверил сейф, ящики, потрогал наплечную кобуру, проверяя ее на прочность, похлопал по карманам и лишь после этого вышел за дверь. Дверь он притворил тихонько, без стука, чтобы не привлечь внимание коллег из соседних кабинетов.

* * *

«В одиночестве есть своеобразное очарование, — думала Юмашева, внимательно разглядывая телефонный аппарат, — в нем можно пребывать, как в раковине или скорлупе. Своего рода маленький монастырь, в котором можно укрыться от непогоды и житейских бурь. Раненое животное прячется от собратьев в глубокой норе, залезая свои раны и, если это животное сильное, оно выздоравливает, выходит из норы и продолжает битву за существование. А слабое существо погибает от боли, у него нет сил выбраться из норы, и оно не в состоянии спрятаться с бедой. Не верю тем, кто утверждает, что человеку нужно выговориться, рассказать всему миру о своем одиночестве, нет, не верю. Выговориться и поделиться своей бедой может слабый человек, сильный не нуждается в утешении и поддержке. Ни за что в жизни не стану звонить Андрею. Это не в моих правилах. Почему мент всегда побеждает во мне женщину? Где оно, мое женское начало? Может, в этом и заключается моя сила духа. И нет необходимости изводить себя никчемными размышлениеми».

От пристального взгляда телефонный аппарат вздрогнул, затем затрясся и лишь после этого разразился оглушительной трелью. «Мистика какая-то, даже техника не выдерживает, реагируя на мой энергетический магнетизм чересчур нервно», — Юмашева осторожно сняла трубку, будто боялась обжечься и приложила к уху.

— Гуля, вы меня узнаете?

Она сразу узнала этот низкий тембр. «Такие голоса бывают только у потрясающих мужчин. Особи среднего рода разговаривают противно и нудно», — думала она, слушая далекий голос. Так слушают воображаемую мелодию гениальные композиторы. «Мелодия возникает в глубинных недрах мозга, постепенно превращаясь из духовной материи в материальную. Мелодия может обладать материальной энергией, да-да, это вполне закономерно», — Гюзель Аркадьевна ближе притиснула трубку, чтобы не утратить связи с волшебной симфонией неповторимого голоса.

— Гуля-гуля-гуля, — засмеялся мужчина, и его смех смешался с треском радиоволн.

— Андрей? — то ли спросила, то ли убедила она себя. Боялась, что голос пропадет, исчезнет в эфире.

— Это я. Хочу с вами встретиться. Мы можем сегодня? — он спрашивал нетерпеливо, пребывая в полной уверенности, что она тоже стремится к этой встрече. Ответа она сейчас — «да, я хочу увидеться!», и он появился бы в ее кабинете мгновенно. Так вылетает живой голубь из ловких рук опытного фокусника.

«У меня нет времени, чтобы съесть кусок хлеба, мне приходится ночевать в кабинете, чтобы выполнить приказ к назенному сроку. Мне никто не нужен в моем одиночестве, в моей скорлупе, в моем панцире. В них я спряталась от людей. К чему эти встречи? Придется сказать, что безумно занята. Мои слова не будут ложью. Это чистая правда. Встретиться я могу только с Господом Богом или самим дьяволом. Не по своей воле, разумеется. Больше никого

видеть не хочу. Не имею такой возможности», – думала она, слушая далекий голос, изредка пропадающий в блуждающем эфире.

– Когда? – неожиданно для себя спросила она далекий голос.

– Прямо сейчас. – Юмашева вздрогнула. Помехи в трубке исчезли. Голос прозвучал так, как если бы Андрей был с ней рядом, совсем близко от нее.

«Мистика, волшебство, ирреальность. Чудеса техники превращают живых людей в при-видения. Значит, и наша встреча произойдет в виртуальной жизни, а в реальной останутся киллеры и бандиты, совещания и выговоры, генералы и чиновники».

– Где? – спросила она.

– Внизу. В кафе. Напротив отдела.

Она еще немного посидела с трубкой возле уха, ощущая горячую пластмассу на прохладной коже. Родной голос исчез вместе с эфирными помехами. Виртуальная жизнь улетучилась, оставив после себя волнующий аромат сомнительных желаний. Юмашева посмотрела на стены, стол, сейф, люстру. Все выглядело обычным, ничего ирреального вокруг не наблюдалось, разве что в кафе ее ждал потрясающий мужчина, тот самый таинственный незнакомец из романтической ночи.

«Пока во мне бродили сомнения, как бродят дрожжи в молодом виноградном вине, звонить не звонить, он сам позвонил. Разыскал номер телефона. Мою фамилию он мог запомнить, когда покупал билет. И вот он здесь, в Петербурге. Сидит в кафе напротив отдела и смотрит на переход, пытаясь узнать меня в толпе прохожих. А я сижу и мучаюсь, изнывая от внутренней борьбы между чувством долга и нахлынувшей страстью». «Страшно, аж жуть!» – донесся из приемника приглушенный голос Высоцкого. «Мне тоже страшно до жути!» Она медленно поднялась и долго смотрела в зеркало, пытаясь разглядеть в глазах будущее, но ничего не уви-дела, кроме пляшущих огоньков в зрачках, словно там, внутри нее, кто-то неведомый запалил огромный костер, и отблески внутреннего пожара вырывались наружу, заглушая здравый смысл, чувство долга и цивилизованный подход к проблеме взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Гюзель Аркадьевна сжала губы и прикрыла глаза, скрывая пляшущие огоньки. Схватив со стола мобильный телефон, с высоко поднятой головой вышла из кабинета, не забыв подергать дверную ручку, проверяя, захлопнулась ли дверь.

Она шла в толпе прохожих, стараясь наступать на белые полосы, будто это была некая граница. Ей казалось, шаг в сторону, и все, расстрел на месте. За отступление от чувства долга, за душевный покой, выстраданный в мучительных размышлениях.

Андрей стоял у стойки бара, высокий, выше всех, стройный, в кожаной куртке и джинсах. Он что-то говорил девушке за стойкой. Наверное, что-то очень смешное. Девушка смеялась и доверчиво смотрела на Андрея. Он обернулся, почувствовав пристальный взгляд Юмашевой. Девушка за стойкой бара помрачнела. Ее доверчивый смех растаял во внезапно наступившей напряженной тишине. Клиенты, присутствующие в баре замолчали. Казалось, все вдруг прекратили курить, пить и дышать, словно давали возможность Андрею и Гюзели разглядеть друг друга. Не ошиблись ли? Вдруг подвела двух одиноких людей романтическая ночь, раскрасив их лица на короткое мгновение волшебными красками.

– Здравствуй, – совсем просто сказал он. В зале снова зазвучал смех. Дым кружил волнами, медленно упльывая к потолку, скручиваясь на самом верху в кольца. Послышалась негромкая музыка, будто невидимый дирижер взмахнул палочкой и жизнь вернулась в нормальный ритм.

– Здравствуй, – спокойно ответила Юмашева и присела за столик, стоявший рядом с ней. Она изо всех сил старалась держаться достойно, сохраняя самообладание, выдерживая планку и не концентрируя внимание на бухающем сердце, отправляющем цистерны крови по всем кровеносным сосудам.

Андрей все стоял возле стойки. Гюзель внутренне забеспокоилась: «Неужели, я так плохо выгляжу, что он не решается сесть рядом со мной? Конечно, бессонные ночи не украшают женщину. Нервная работа не прибавляет красоты. Но можно просто поговорить. Вспомнить о проведенных вместе минутах в самолете. И, вообще зачем он позвонил?»

Она стиснула зубы, чтобы не разрыдаться от обиды. Слезы уже вскипели в краешках глаз, еще немного, – и они скатятся по щекам, оставляя предательские следы. Андрей улыбнулся и ушел. Он ушел куда-то в глубь бара, высокий, заметный, и… и такой желанный. Юмашева тихо охнула и прижала салфетку к щеке, одна слезинка все-таки пробралась на свободу и покатилась по лицу, призывая за собой оставшуюся лавину. Девушка за стойкой ехидно ухмыльнулась, скользнув взглядом по сжавшейся фигурке Гюзель.

Юмашева резко поднялась и направилась к выходу. У двери она остановилась и пошла в зал, разглядывая присутствующих за столиками. Никто не обращал на нее внимания. Все громко говорили, перебивая друг друга, при этом они не слышали никого, только себя. «Все хотят выговориться, поделиться своим одиночеством, но никто не хочет слушать другого», – подумала она, отыскивая глазами Андрея. В зале его не было. Она прошла по коридору в подсобное помещение. Андрей стоял в дверях маленькой комнатки и смеялся, как мальчишка, радуясь, что она не исчезла, не ушла, что он видит ее. Когда она подошла к двери, он схватил ее за руку и затащил в комнату, прижал к стене, и она забыла, где находится. Гюзель знала, что рядом существует реальный мир с его бедами и невзгодами, вселенским одиночеством, неприятностями и проблемами, но это знание осталось вне ее сознания. Она приникла к Андрею и стала его частью, одним целым, отдельной планетой, отделенной миллионами километров от существующего мира. Исчезли запахи и звуки, исчезли предметы и стены, оставив после себя бушующее пламя, вырвавшееся, наконец-то, на свободу. Пламя осветило два лица, приникшие друг к другу. Страсть одного перелилась в другого, переплетаясь тесным клубком, навечно связывая двух людей. Теперь их ничто не могло разлучить. Пока будет жив один из них, они будут вместе!

– Дверь закрой, – прошептала Гюзель, – сюда могут прийти.

– Я закрыл, – шепотом ответил он, целуя ее. Он все смеялся. – Не волнуйся. Я так ждал тебя. Измучился весь. Почему ты так долго шла?

– Разве долго? Не может быть, – она тоже тихо смеялась. – Мы с тобой, как студенты, грешим в подсобке, тайком от взрослых. Пойдем отсюда.

Юмашева потянула его за руку, но он еще не вернулся в реальный мир. Она уже слышала голоса, шум, звон посуды, а он целовал ее грудь и шею, не давая опомниться.

– Идем же, сюда могут прийти. – Гюзель прижала ладони к его груди и оттолкнула его.

– Ты толкаешься, – он засмеялся и снова прижал ее к стене, – не пущу. Мы будем жить здесь.

– В кафе? Нас оштрафуют за хулиганство. Идем скорей.

Гюзель вырвалась из его объятий и дернула ручку двери. Дверь легко поддалась.

– Дверь была открыта, какой ужас! – прошептала она, округляя глаза.

– Не может быть. Я закрыл, – запротестовал Андрей, – не волнуйся, все обошлось.

– Господи, какой ужас. Стыд какой! – она поправила ворот блузки, закрутила шарфик вокруг шеи. – Я не смогу смотреть в глаза этой девушке.

– А зачем смотреть ей в глаза. Мы вообще не будем смотреть на нее. Хочешь выпить?

– Мне еще на работу. Я не могу, – она шла к выходу, низко опустив голову.

«Неужели, все эти люди догадались, что мы занимались любовью? Наверное, это заметно? Смущение, краска стыда, волнение обычно выдает двух влюбленных. Всем все понятно».

– Нет-нет-нет, – Андрей схватил ее за руку и насиливо усадил за столик, – мы должны отметить встречу, я тебя никуда не отпущу сегодня. Забудь об эмансипации.

— Хорошо, посижу с тобой немножко, — тихо сказала она, боясь привлечь посторонние взгляды.

В зале заметно прибавилось публики, никто не обращал на них внимания. Юмашева прикрыла глаза, стараясь не встречаться взглядом с Андреем. «Почему мне так стыдно? Стыдно смотреть ему в глаза. Господи, годами живешь мечтой о долгожданной встрече, а когда встреча состоялась, начинаются мучения. И почему встреча с возлюбленным происходит в самый неприятный момент жизни, когда над головой сгостились тучи? Когда со всех сторон обступили неприятности, голова забита проблемами? И тут неожиданно обрушивается страсть, спящая с ног, заставляющая забыть о реальном мире?»

— Ты самая прекрасная женщина из всех живущих на этой земле, — сказал он, глядя в ее глаза. Он смотрел пристально, будто хотел проникнуть в ее душу, разглядеть, а что там внутри находится?

— Хорошо, что из живущих женщин, и плохо, если из умерших, — неловко пошутила Гюзель жестким голосом. Такие звуки издают медные тазы и сковороды. Она чувствовала горечь во рту, будто съела что-то непотребное, пережаренное, несъедобное...

— Успокойся, не надо грустить, — он щелкнул пальцами. Из-за стойки вынырнула девушка с подносом. Она поставила на стол два бокала с вином, кроваво-красным, как кровь, фрукты и коробку конфет. Гюзель отвернулась. Сейчас она не смогла бы съесть даже овсянную кашу, ее было точно стошило. Двумя пальцами она ухватила высокую ножку бокала и отпила глоток вина. Разгоряченная кровь разлилась по всему телу, смешиваясь с кроваво-красным вином. «Я пью вино цвета страсти, такое же кроваво-красное, густое, пряное, смешанное с горечью, — думала она, глядя на Андрея. — Кто из нас устоит? Выдержит? Ведь страсть делает людей слабыми, хрупкими, безвольными, да что там безвольными, страсть делает людей беспамятными. Мне уже отшибло память, застило голову пеленой, заставив забыть работу и долг. Господи, страсть заставила меня заниматься любовью в подсобке! И это только начало...»

* * *

— Мать, где ты пропадаешь? Я тут уже два часа толкуюсь, — Слава Резник протянул Юмашевой руку для приветствия.

— Извини, Слава, дела-дела, — пробормотала Гюзель Аркадьевна, отводя взгляд в сторону. Она старательно делала вид, что разглядывает дежурную часть, дескать, что там делается за широкой Славиной спиной.

— Что-то случилось? — Резник наклонился к ней, чтобы поглядеть ей в глаза.

— Слава, да ничего не случилось, — воскликнула Юмашева, — задержалась. Дела. Извини.

— Прощаю. Ты же знаешь, не люблю, когда опаздывают, — он нехотя отошел от нее.

— Сама не люблю. И на старуху бывает проруха, — невесело пошутила Юмашева. — Собрал людей? Проинструктировал? Или меня ждал?

— Все собрались. Начальнику ждут. Твою мать! — он обвел рукой дежурную часть.

Гюзель Аркадьевна округлила глаза. В первый раз за все годы службы она опоздала, в первый раз ее журил подчиненный, и всему виной была нечаянно нахлынувшая страсть. «Прочь из головы лишние и никчемные мысли. Не время думать о грехах и искуплении», — она будто давала клятву кому-то, может, самой себе.

— По машинам! — властно бросила она и вышла из отдела. Достала сигарету, помяла пальцами и выбросила в снег. Села на переднее сиденье серых «жигулей» и молча отдала водителю список адресов.

— Гюзель Аркадьевна, вы тоже поедете по адресам? — удивленно спросил Саша Жигалов, самый молодой сотрудник отдела. Он пришел в полицию по призванию, окончив с отличием университет. Несмотря на смешки и косые взгляды старых сотрудников, Саша гордился своим

выбором. Юмашева незримо опекала юношу. На всех задержаниях старалась быть рядом с ним, чтобы Саша мог спокойно взрослеть за ее широкой спиной. «Это во мне говорит нереализованный материнский инстинкт», – посмеивалась она над собой.

– Саша, почему – «тоже»? – удивилась Юмашева.

– Да нас мужиков и так много! – горделиво произнес Жигалов и повернул ключ зажигания.

«Что ему на это сказать? Мужик он и в Африке мужик, – мысленно развеселилась Юмашева, – еще птенец зеленый, а туда же – “нас”, “мужиков”, “много”». Она потерла лоб, будто хотела усилием воли стереть из памяти все воспоминания об Андрее. Рейд по злачным местам задумала сразу же, как только вернулась из Москвы. Юмашева была уверена, что рейд даст положительные результаты по делу Кучинского. «Мы проедем по притонам, ларькам и точкам, где торгуют паленой водкой, – думала она, пристально глядя на дорогу, – соберем бомжей, ранее судимых, наркоманов, местных алкашей, их временных подруг и сожительниц, и будем колоть до утра. Уверена, что к утру мы найдем очевидца происшествия, хотя бы одного. Конечно, оперсоставу придется поработать на износ. Зато заодно раскроем массу глухарей, пополним картотеку на воров и наркоманов, проверим ранее судимых. Слава – молодец, все подготовил без меня. Провел инструктаж, собрал сотрудников. Юноша взрослеет на глазах».

Слава Резник служил в Главке, он довольно высоко продвинулся по службе, но не забывал давнюю дружбу с Юмашевой. Когда-то они вместе работали. Во время проведения рейдов Резник на правах управленца возглавлял самую мобильную группу оперативников отдела.

– Учись, Слава, генералом будешь, – лукаво улыбалась Юмашева, доверяя Резнику самые опасные адреса и точки.

– Буду-буду генералом, – серьезно отвечал Резник, раздавая команды оперсоставу.

Больше она не шутила на эту тему. «Конечно, он станет генералом, – думала она, глядя, как безмолвно подчиняются Резнику оперативники, – он талантливый, способный, умница, мог бы дивизией командовать, если бы в армии карьеру начинал».

Но сегодня Резник выделил ей самый легкий фронт работы – вместе с Сашей Жигаловым проверить несколько притонов на канале Грибоедова. Из года в год, из десятилетия в десятилетие злосчастные притоны Екатерининского канала перекочевывают из одной картотеки в другую. Последние достижения цивилизации помогли притонам влиться в компьютерный учет социально опасных граждан. В одну из таких «малин» и направлялась Юмашева, мысленно проклиная международные конвенции, запрещающие нарушать права граждан, даже если эти граждане совершают преступления. Конвенции и конституции обязаны защищать законопослушных людей от преступных посягательств, а не наоборот.

Где-то в подсознании гнездилось воспоминание-видение, Андрей целует ее, нежно касаясь щеки… Но Гюзель усилием воли прогоняла воспоминание, выталкивала его из памяти. Вслух она ругала несовершенство юридических определений в международных конвенциях. Ей так легче было бороться с женским началом, победившим на некоторое время внутри нее сотрудника милиции.

– Саша, как мы войдем в квартиру? – спросила она Жигалова, сосредоточенно молчавшего всю дорогу.

– Молча, – коротко ответил он.

«Мы молча, – думала она, – дождемся очередного посетителя. Как бы невзначай войдем в квартиру, чтобы проверить документы. А что это я голову морочу себе и Жигалову? Надо зайти в соседнюю квартиру и решить вопрос с юридическим определением соблюдения конституционных прав отдельной личности».

– Саша, у меня гениальная мысль! – она толкнула Жигалова в бок.

– У вас всегда гениальные мысли, – он заинтересованно обернулся к ней, – что за мысль?

– Сейчас увидишь. И даже будешь осязать. – загадочно ответила Гюзель Аркадьевна и замолчала. И тут же увидела Андрея, она с силой потрясла головой, прогоняя видение, вытащила глаза, чтобы они не закрывались, и прилипла к окну, пытаясь разглядеть дорогу.

– Приехали, – Жигалов посмотрел на Юмашеву, – вы сегодня какая-то странная, Гюзель Аркадьевна.

«Что они ко мне привязались, то Резник, то Жигалов. Да, я странная сегодня, очень странная. Сама себя не узнаю. Куда подевался железный Феликс в юбке. Кажется, так меня называют деклассированные элементы», – из машины Юмашева вышла, как из купальной кабинки на пляже. Сегодня все получалось легко и свободно. Она ощущала себя птицей. Строгой и независимой.

– Саша, сначала зайдем к соседям, – сказала она, направляясь в подъезд.

– Зачем? – он шел за ней, шаг в шаг, как в строю.

– Мы попросим написать заявление на алкашай из пятнадцатой квартиры. Этот притон существует с тридцатых годов прошлого века. Дом-то старинный, дореволюционный. Представляешь, как эти гады надоели мирным гражданам?

– Представляю, – вздохнул Жигалов, – в моем доме их туева хуча.

– Как-как? Туева хуча? Ну, Жигалов, ты растешь не по дням, а по часам. Даже я не знаю, что это такое – «туева хуча», – расхохоталась Юмашева.

– Давайте, я вас по спине постучу, – и он легонько стукнул ее по спине, – а то закашляешься.

– Не смущайся, Саша, не смущайся. Сейчас нам не до шуток будет. Слышишь, какой шум и гам в пятнадцатой. Там народу – туева хуча. Я правильно цитирую ваше высочество?

– Правильно. Звонить в отдел?

– Не надо, сами справимся. – Юмашева позвонила в соседнюю квартиру с опрятной дверью, обитой черной дерматиновой пленкой. – Откройте, полиция!

– Какая еще полиция? Ходят тут всякие, – тут же донесся хриплый голос из-за двери, – сейчас в МЧС позвоню.

– Кто это говорит, Саша? Мужчина или женщина? Как ты думаешь? – Юмашева облокотилась о перила лестницы. – Ну и времена настали, не сразу определишь, кто с тобой разговаривает. Наверное, такой же притон, как и в пятнадцатой.

– Какой притон? – дверь неожиданно распахнулась. На лестничную площадку выкатился сморщеный старичок, с редкой бороденкой и огромной лысиной, которую уже не прикрывала тощая седая прядь, свесившаяся прямо на сизый нос, приукрашенный прозрачной каплей на самом кончике.

«Кого только не увидишь в нашем городе, просто гоголевский персонаж, – мысленно ужаснулась Юмашева, глядя на сморщенного старичка, – он выкатился не из современной квартиры начала двадцать первого века. Он сошел со страницы книги великого классика, весьма колоритный дедок».

– Какой притон? Щас в МЧС позвоню, – заливался старик.

– Отец, погоди-погоди, уgomонись уже, – повысив голос, потребовала Юмашева. Старик замолчал, встретив неожиданный отпор. – Мы из полиции. Саша, покажи документы. Видишь, отец, документ настоящий. Мы хотим потревожить ваших соседей из пятнадцатой квартиры. Помоги нам, отец. Нам нельзя без разрешения хозяев входить в квартиры.

– А санкция есть? – грозно нахмутив брови, спросил старик.

– Есть. Без нее нам никак нельзя. – Юмашева полезла под куртку и потрогала кобуру. «Вот она наша санкция», – подумала она. – Показать санкцию, отец?

– Не надо, дочка, – сменил гнев на милость гневный старик. – Знаешь, как надоели эти наркоманы?

– Догадываюсь, – кивнула Юмашева, – напиши заявление, а, отец? Договорились?

– Пишу-пишу, – старик скрылся в дверях.

– Ну, капиталистическую законность и права граждан мы соблюли. В полном соответствии с действующим законодательством. Теперь ждем входа в квартиру. Звонить и стучать не будем. Саша, правильно я мыслю?

– Элементарно, Ватсон. Гениально! – Жигалов восхищенно закатил глаза.

– Не прикальвайся, Жигалов. Приколы не по должности. Рановато еще. Становись вот сюда!

Юмашева указала ему на лестничный марш, сама осталась стоять у двери гоголевского персонажа. Внизу послышались голоса. Кто-то закашлялся, кашель был сухой и жесткий, затем натужно захрипел, задыхаясь, пытаясь справиться с приступом.

«Туберкулезный, что ли? Так может кашлять только очень больной человек, но он не один. С ним еще несколько человек. Плохо дело, надо было все-таки позвонить в отдел».

– Саша, иди сюда, – прошипела Юмашева.

– Зачем? – он зашипел так громко, что у Гюзель Аркадьевне почти лопнули барабанные перепонки.

– Не ори так, иди сюда, – прошептала она, протягивая ему руку, – будем целоваться-обниматься.

– Что!!! – возмутился Жигалов.

– Успокойся! Делай, что тебе говорят. – Юмашева схватила его за куртку и прижала к себе. – Изображай влюбленного. Изо всех сил изображай. Работа опера сродни актерской, запомни, – шептала она, крепко держа Жигалова за рукав, предательски трещавший по шву. – Когда-то один оперок спас мне жизнь в засаде.

– Тоже на лестнице? – тихим шепотом спросил Жигалов, обхватив ее за плечи обеими руками.

– На лестнице, на лестнице. Так что стой! В обморок не падай, терпи, – она тихо засмеялась.

– Потерплю, – согласился Жигалов, – они уже близко, сейчас сюда поднимутся.

– Молчи-молчи, – Юмашева толкнула его в бок. – Очень не прижимайся. Между нами пистолет, он будет обозначать границу между телами. Ни о чем не думай, думать буду я. Ты изображай из себя великого актера. Представь, что ты Сергей Безруков. Или Том Круз. Кто тебе больше нравится?

– Том Круз, – виновато сознался Жигалов.

– Плохо. Это не патриотично. Надо любить Сергея Безрукова, – с упреком сказала она и зашипела: – Все, заткнись, они уже здесь, сейчас начнется.

К пятнадцатой квартире подошли четверо мужчин, один из них выделялся белой повязкой на шее. Мужчины подозрительно оглядели парочку, состоявшую из Жигалова и Юмашевой. Гюзель Аркадьевна осторожно высвободилась из тесных Сашиных объятий и исподтишка осмотрела мужчин: «Нет, они не похожи на местных алкашей и наркоманов. Это самые настоящие зэки, прожженные и прокаленные долгими отсидками на зоне. Жесткая публика».

– Ты кто? – спросил хриплый голос, слышалось тяжелое дыханье с присвистом, кашель временно отступил, мужчина говорил медленно, чтобы не вызвать новый приступ.

– Мы отсюда, – Саша небрежно махнул рукой в сторону квартиры с дерматиновой дверью.

«Молодец, Жигалов! Пока я прячусь у него под крыльшком, он нашелся, что сказать бандюге, – обрадовалась Юмашева и потрогала “санкцию” под курткой. – Патрон в патроннике, осталось только передернуть затвор, и можно открывать огонь “на поражение”, но, лучше обойтись без пульбы», – она дернула головой, и Жигалов отстранился от нее. Мужчины позвонили в пятнадцатую квартиру, кто-то невидимый завозился с замком. Что-то забренчало, защелкало, но дверь не открывалась.

– Чего ты? – захрипел мужчина с перебинтованным горлом, сдерживая кашель.

– Щас-щас, открою, – пропищал тонкий голос, и дверь тут же распахнулась. Мужчина с перебинтованным горлом еще раз посмотрел на Жигалова, на черную дерматиновую дверь и впихнул «товарищей» в квартиру, одной рукой держась за грудь, второй подталкивая замешкавшихся компаньонов. Вдруг мужчина закашлялся, приступ кашля заставил его задержаться в проеме, он согнулся пополам, и в это время Юмашева выскользнула из-под Жигалова и метнулась к двери, стрелой пролетела мимо кашляющего мужчины и оказалась в тесной прихожей, битком набитой людьми. Боковым зрением она видела Сашу, который следом за ней влетел в квартиру, увлекая за собой задыхающегося от кашля мужчину. Оглушительный хлопок раздался за спиной: «Это не выстрел, это дверь захлопнулась», – догадалась она, останавливаясь возле тумбочки в комнате. Юмашева проскочила прихожую и влетела в комнату. Первое, что она увидела, было дороже любого золота. На тумбочке лежала маковая солома, упакованная в целлофановый пакет. Гюзель узнала бы это растение с закрытыми глазами. Солома была мелко перемолота. «Наверное, на мясорубке перекрутили», – подумала она, окидывая взглядом комнату. На весь мир она смотрела свысока, «по периметру», начиная от угла, медленно обводя взглядом пространство, словно очерчивала незримый круг. Кроме тумбочки и пакета с вожделенной маковой соломкой в комнате находились еще несколько человек. Значит, всего восемь, а нас двое, ничего справимся. Саша – умница, не даст меня в обиду. Она схватила пакет с маковой соломой и прижала к груди. «Этот пакет придется держать при себе, иначе они выкинут содержимое в окно. Устанешь потом доказывать, что ты не верблюд» – Юмашева нажала кнопку мобильного телефона, но он вяло заморгал и отключился. «Техника в руках дикаря», – злилась Юмашева, стиснув зубы. Она нервно нажимала на все кнопки подряд, но телефон матово отсвечивал тусклым светом, не желая соединяться с внешним миром. Казалось, весь мир сконцентрировался в этом страшном месте с тухлым запахом человеческого жира и пота, десятилетиями накапливавшемся в нечистой квартире. Нечистый запах пропитал стены квартиры и всего дома, до основания въелся в штукатурку и камень, казалось, тошнотворный запах не выветрится во веки веков. Он может исчезнуть только вместе с домом. «Это и есть старый Петербург. Точнее, глубокое и грязное дно города», – Юмашева пыталась не дышать, но легкие уже пропитались дурным запахом.

В комнате стояла старенькая кровать, застланная грязным байковым одеялом. На кровати лежали двое – молодой мужчина и девушка. Наверное, этот парень открывал дверь, на нем хоть какая-то одежонка имеется, а девица абсолютно голая. На диване с вырванными клочками ваты лежали еще двое. По их внешнему виду было трудно определить, кто из них кто, обросшие волосы скрывали лица, припухлые и заспанные. В узкой прихожей кто-то громко ругался, слышалась возня, крики, тяжелый хрюк. «Сейчас Жигалова мочить будут, – подумала Юмашева и огляделась еще раз. – Эти спят, вернее, еще не проснулись. Они ничего не понимают, пребывая в полудреме. Пока до них дойдет, что в квартире облава, у меня есть какое-то время. Звонить в отдел поздно, сотовый совсем не слушается, отказывается работать, никакой дисциплины. Надо что-то придумать, но что тут придумаешь?» Юмашева выбежала в прихожую, прижимая пакет с соломой к груди, как ребенка, и завопила, что есть мочи:

– Лежать! Всем на пол! Молчать! Стреляю!

Она выкинула вверх руку, и в прихожей наступила тишина. Жигалов поднялся с пола и отряхнул брюки. Он понял, что Юмашева шокирует публику, «играет роль», и он должен ей подыграть. Слышалось хрюплое дыхание мужчины с перебинтованным горлом, натужное сопение его компаньонов. Жигалов вытащил пистолет и направил его на перебинтованного мужчину.

– Мы из полиции! Руки назад!

Все четверо привычным жестом послушно спрятали руки за спиной. Юмашева усмехнулась: «Молодцы, до самого нутра вышколенные зоной, знают, как себя вести в экстремальной

ситуации». Она достала пистолет, медленно поводила стволов перед испуганными физиономиями сопящих мужчин и процедила сквозь зубы.

– Наденьте на них наручники, Жигалов. Мало ли что!

И тут же увидела восемь рук, протянутых Жигалову. «Слава богу, все закончилось благополучно, без пальбы, ран и ушибов. Слава богу!». В кармане куртки что-то завозилось, она испуганно дернулась, затем сунула руку и вытащила телефон. Он натужно кряхтел, издавая слабый писк. «Ожил, голубчик, заверещал-таки», – она нажала кнопку и услышала голос Резника:

– Мать, ты где? Все в порядке?

– Приезжай на канал, квартира пятнадцать. У нас восемь человек. Маковая солома есть.

– Сколько? – обрадовался Резник.

– Килограмма два будет, – сказала Юмашева, даже не заметив, что ее голос звучит слишком весомо.

«Изъять два килограмма маковой соломки, просто так, в результате обычного рейда, удается не каждому оперативнику. Если при этом учесть, что плешикий сосед уже строчит заявление на беспутных соседей, получается вообще ударный труд!», – радовалась она, глядя, как Жигалов щелкает наручниками.

– Мать, ты как всегда – отличница! – обрадовался Резник по оживившейся мобильной связи. – Сейчас буду в адресе. Десять минут потерпишь?

– С трудом. Давай быстро.

Она прошла в комнату, где копошились в ворохе одежды две девушки. Они поднялись со своего ложа, но одеться не успели. Одна из девушек была нагишом, на второй темнели две полоски узких трусиков. Девушки не стеснялись, не спеша расхаживали по комнате, выставив напоказ свои прелести.

– Барышни! – возмутилась Юмашева. – Вы бы свои телеса прикрыли, что ли. Здесь же люди кругом!

Девушки молча переглянулись, но ни одна не удостоила Юмашеву взглядом. Гюзель Аркадьевна достала из вороха одежды пару джинсов и протянула девушкам, затем выбрала пару свитеров и положила на диван. Один из парней еще лежал на диване, второй рылся в шкафу.

– Чья солома? – спросила она.

Никто не ответил, все четверо разглядывали одежду, будто видели ее в первый раз.

– Панки хреновы, языки, что ли, поотсохли? Чья солома? Кто хозяин квартиры?

– Ну, это... Я – хозяин, – пробормотал лохматый парень, отбрасывая челку назад.

– Такой парень симпатичный. И совершенно немытый. Воняешь, как золотарь. – Юмашева презрительно сжала губы в узкую полоску. – Как звать?

– Леня, – мягко улыбнулся «золотарь».

– Фамилия? – продолжала допрашивать Юмашева.

– «А фамилия моя слишком известная», – Леня неожиданно заговорил словами героя популярного фильма.

«Господи, до какого состояния может опуститься человек. На него смотреть противно. А мне предстоит всю ночь разговаривать с ним на душепитательные темы. Шутить. Выискивать в нем скрытое человеческое начало...» – Гюзель почувствовала ноющую боль в груди.

– Ладно, в отделе поговорим, – она махнула рукой, приглашая всю компанию к выходу.

«Лишь бы продержаться до приезда Резника, – подумала она, удерживая одной рукой пакет, второй держась за левую сторону груди, откуда рвалось наружу неровно бьющееся сердце, – все-таки восемь человек на двух оперативников. Как всегда, я попала. Опять какая-то неправильная арифметика судьбы. Судьба жестоко обходится со мной, она никогда не щадила

меня. Вот и сейчас устроила очередную западню. И мне придется найти выход. Полковник Юмашева обязательно должна найти выход из любой ловушки».

* * *

На полке сауны лежал Фима Лесин, его спину и шею заботливо растирал ладонями Виктор Дмитриевич. Он нежно массировал рыхлое тело, изредка выдавливая из тюбика ореховое масло.

– Какой аромат, Ефим Викторович! – воскликнул Коваленко, втирая душистое масло в распаренную кожу Лесина.

– Где ты достал это масло? Я и не слышал о таком, – невнятно пробурчал Лесин-младший.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.